

ярослав
ПОЛУЭКТОВ
2015 ♂
D U A L I Z M U S

28 RE ف
DAYS 28 28 28 28 28 28 م
LATER DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS
FONT LATER LATER LATER LATER LATER LATER

28 P E \$
DAYS 28 28 28 28 28 28 28 28
LATER DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS
FONT LATER LATER LATER LATER LATER LATER LATER

С Ъ Р
Ю Р Ш И
С О Л О Д К И

Ярослав Полуэктов
DUализмус. Корни солодки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069848

ISBN 978-5-4474-4634-5

Аннотация

Сборник №3 «DUализмуса» сформирован из текстов (рассказы и главы-пазлы), к которым у автора двойственное отношение: они равно годятся и для папки с шедеврами, и для тех рукописей, которые разные Гоголи, однажды затосковав, сжигают.

Содержание

Классики в гостях у Чена Джу – псевдонима	5
Мохенджо-Даро	23
Жаннет с весёлой фамилией	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

DUализмус. Корни солодки

Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Классики в гостях у Чена Джу – псевдонима

На одной из лекций, прочитанной во Франции перед читательницами русского филиала Клуба Воинствующих Ночных Бабочек, живой псевдоним по имени Чен Джу-Псевдоним объясняется с ними по поводу жанра его произведения и сходства с другими столь же неизвестными писателями. Неизвестность при жизни, по его мнению, это вроде посмертно даденной Букеровской премии.

– Странное дело, но по мере написания книги с моим стилем происходили некоторые метаморфозы¹. Понимаете, там (в лингвоанализаторе – прим. ред.) есть разные списки, – объясняет он читательницам про то, как окунувшись в него с первого раза, вынырнул грамотной, но хитрющей какашкой и навсегда прилип в качестве сравнительного эталона несравненный Борис Акунин.

– А во Франции читают Акунина? – спрашивает Чен-Псевдоним французских мамзелей с удивленными и выпученными глазками. Они стараются понять переводчика. – Нет? Только изредка? Как же так? – сильно удивляется Чен Джу.

На самом деле русские во Франции почитывают Акунина.

– Он специально «заремеслен», – считает Чен, – и отлично заострѐн на бабки в том числе. Настолько мастерски, ради угождения всем подряд – сам сказал кредо своё, без попыток – что простак не отличит его от гения: ах, сколько много он знает, ах, как он старинно выражается, его читаешь, а по столу прыгают лягушечками редкие вещички такие, ну про которые можно знать, только живя рядом с тем именно столом, и именно в том веке, и даже в том же числе, месяце и году. Нет, непременно наш Боря – гений. Гений вкусных деталей в сочетании с железной осью. Настоящий горячий ещё шампурчик, который и облизать не грех.

– Чего, чего?

– Ну, план... Я фигуративно... Ах вот как интересно! А во всём-то у него тайна, а сюжет, а фабула, бррр – всё это есть. Классик, явный структуралист, без плана никуда, без логики не могли. В учебник точно войдёт. Не говоря уж про кино, где детальки с планом любят, всё расписано и во всём почти-что сценарий.

– Что вы тут нам всем наговариваете в микрофон? – крикнула одна из дам.

– Чепуховые ваши слова! – выкрикнула другая.

– Это же и есть настоящая классика, без подделок и дурацких, – шепнула подружке третья.

– В интернете все эти детальки можно нарыть, в других книжках, и не надо даже в архиве сидеть, – говорит им Чен Джу, не моргнув глазом. – Хотите, посидим завтра в сушибаре – будто в китайской фанзе – и поговорим о Конфуции? И вы не отличите меня от китайца.

– Да ну, не может такого быть.

– Что ж не может, может. Только мне для этого нужно две ночи. Я и физику и строительную механику учу за двое суток, если никто не отвлекает. А, кстати сказать, один молодой мой друг – после ВДВ – успеваешь то же самое сделать за ночь (день у него занят девочками). А если что построит, то не боится, что его здание рухнет...

– Не вешайте нам лапши, – говорит одна французская дама за всех французских дам. – Не надо нам такого выученного за ночь Конфуция. Пейте свой псевдокитайский чаёк в одиночку. Ваш сказочно неуловимый Фуй-Шуй, к примеру, – полная выжимка из мизинца.

---

¹ Тут и дальше: стилистику произведения автор определял по лингвоанализатору, встроенному в интернет – в библиотеку Максима Мошкова.

Лекарство от давления с добавкой порошка из яиц китайского червя. (Читала стервя! Готовилась к встрече!)

– Специально китайских червяков не бывает, – сказал Чен Джу. А он умён. – У них нет национальности. Тем более, яиц, если вы про шелкопряда.

– Что вы мне глупости говорите!

***

Возвращаемся обиженно в Париж.

Утверждаю: французы, те, что по-настоящему французские, плюют на современную русскую литературу, что бы там в России не писали. Франция то ли преднамеренно дуря, то ли ошибочно возгордясь, считает, что только она одна может писать нормальные книжки. За ними Америка (это вообще зря), немножко Англия (писак-чужаков не пустит), Ирландия (давно), ну, немного Бразилия. Чуть-чуть, но зато ловко – Швеция. Могу назвать фамилии. Италия рядом не стояла. Им это не интересно. У них модный Милан, романтическая Венеция, кровавый Колизей, ужасные истории древнего Рима. С этого и снимаются сливки.

Современную литературу они как бы забыли. Франция, считают они, – лучше всех, а лучше России тем более. Она только ошибочно не победила в 1812-м. Француз этим особо не заморачивается. Россия по-прежнему всего лишь глиняный, теперь ещё и газовый колосс, утыканный ракетами. Как свечками в именинном торте. Феодалы, прыгнувшие в социализм. Минуя. Рядом с ней лучше не стоять. Рассыпаясь, завалит обломками. Есть, есть ещё признанные мировые штампы.

Есть о чём задуматься Минкульту: крепчает внутри его туризм, но умывается слезами литературный кулик.

Сходством с Бэ Акуниным как эталоном читаемого писателя, менее амбициозным согражданам можно было бы гордиться (выпятив сходство в первых же строках) и срубить с того сходства деньги.

Но не тут-то было в случае непредсказуемого Чена, наглового, играющего в обидное окололитературное регби. У него зелёные рожки. Есть фото его самого, и его прапапы Джу Джу.

Чен Джу, как и большинство приверженцев классического русского языка, любят и, насколько позволяет совесть, уважает Бориса. Но, после проверки сочинений других авторов, представленных в самиздате, Чен Джу дотошно разобрался и определил, что большинство самиздатовцев, имевших, ввиду приличного объёма написанного, право на анализ, точно так же, как и Чен Джу, носили то же самое славное акунинское клеймо.

Растиражированная в миру печать Акунина и пришлепнутая злым анализаторским роком ко лбу Чена Джу, представлялась последнему не только не оригинальным, стандартно магазинным украшением, а ужасной шивоподобной бородавкой, которую надобно бы состричь. А её отчего-то обожает четверть загорелого, сисястого и бедрастого человечества, полощущего семейное тряпье в прибрежных волнах Туристических океанов. Если не понятен такой странный боковой ход, то попросту бабы.

Удивительно, но читать самого Акунина, то бишь получать удовольствие от слога, следить за содержанием и чувствовать в нём внутренний стержень, порой интересно. А вот читать прочих писателей самиздата, заклеянных печатью сходства с этим мастером – не всегда. Если не высказать такую малоприятную догадку, что вообще никогда.

Это говорит что? О полной механистичности анализатора? О бездарности выдумавших его математиков? Хотя есть в этом сермяжная правда внутренних ритмов.

Анализатор построен на математических и статистических закономерностях, на ритме, выраженном в чёрных значках (ноты, пунктуация) на белой бумаге. Это уже здорово, и есть

о чём порассуждать. Но оно вовсе не передаёт то впечатление, которое можно было бы получить, проиграв эти значки-ноты на чувствительном инструменте. Это уже лингвистика со стилистикой. Их к математике за уши не притянешь.

Так как Чен Джу этот феномен запросто просёк (с подсказки математиков), то интерес к анализатору у него на некоторое время пропал.

***

И тут на страницах Чена Джу, оттеснив грузина Борю, обосновался А. С. Пушкин.
77% попадания в сходство!

Ого! Это случилось неожиданно и прозвучало очень ЛЬСТИВО.

– Ух, ты, – подумал тогда Чен, и почувствовал себя римским героем с лавровым венком на голове. Он забраковал мадам Тэффи, которую поначалу маленько любил. Ну никак отчего-то не раскручивалась в читательском мире поднятая из пепла мадам. Хотя... дамочка... как некоторые нынче – модные.

Подбирался плагиатом к Платонову. Но не сумел по причине отсутствия событий тридцатого года.

Снял тогда Чен Джу Ченджу в городе Москве новый офис, на фронтоне которого написано не обоснованное ничем, разве что, пожалуй, победой над Наполеоном, число «1812».

Хотя походить на чопорного Пушкина он не собирался (волосья не те, и нет родословной репутации), но посиживать в аналитической приёмной гениальному открывателю поэтических чудес русского языка – в качестве уважаемого гостя, конечно, – Чен Джу позволял охотно.

Для имиджа перед прочими искренними графоманами нужно ежедневно совершать незамаливаемый грех многописания. А также похожести хоть на кого-либо из известных. Это сродни онону-неугомону.

***

Вот и сидит Пушкин в приёмной обогатившегося на дурацких своих книжках Чена Джу.

(Чена с некоторых пор – с 2023 года – покупают охотнее Пушкина. Потому, что он более правдив и пишет с натуры, хоть и гад, и сквернословит, и с рожками).

Задерживается он подолгу. Борзееет, поглядывая на вздорную бабёнку Лефтину. Она – секретарша и референтша в одном юном флаконе. Взята Ченом напрокат: для красоты интерьера и прочих попутных нужд.

Чаще, чем принято в таких случаях, роняет Пушкин на пол платок с инициальными вензелями «А.С.». Платок тот – от Соллогуба.

Вслед за тем он шарит по жёлто-зелёному паркету африканского чинара.

Потом снова цедит чаёк, кусает лимонные дольки, забавляется конфетками-бараночками. С удовольствием портит офисный воздух мутуализмами и силлогизмами.

Пристально глядя в бегающие туда-сюда Лефтиныны глаза, облизывает свой тонкий указательный палец.

Намекает на что-то гениальный африканский джентльмен. Русь присвоила его гениальность.

Поживи маленько у нас, нужный человек, и станешь нашим и любимым нашими навек. Набоков, думаете, чей? американский, русский, или общий?

***

А через недельки две, словно человек с луны, постучался некто огромный, и, как оказалось в двадцать первом веке, совершенно несправедливо понятым в физическом смысле, вопреки всем эталонно мелковатым и хрупким памятникам, раскиданным по площадям и скверам некой известной страны, г-н Антон Павлович Чехов.

Пора тут вспомнить аналитическую живопись позднего Филонова, разлагающего мир на частицы карикатурной красоты и буйной никчёмности. Это как будто бы отдельные запчасти тела, лица и внутренностей которого были бы каждые в отдельности образцом для любования, а составленные вместе без ума и пропорционирования являли бы собой редкого урода.

Так вот, тот самый Чехов, не разобравшись в задании, приносит с собой в аналитическую приёмную Чена результаты анализа. Отчего-то в тонкой пробирке. Приносит также некий, не понятный читателю, отдаток в пятьдесят пять процентов, и говорит космическим таким голосом: «Здорово, брат Пушкин. Ты брат мой. Чего ты тут, брат, делаешь?»

Пушкин молчит. Насупился тем, что не один он тут гений.

– А я тут тремя днями кино одно в повторе видел, – продолжает Чехов, – симпатичное кино, бандюганы молодые – озорники все, патриоты, самопальные поджиги, пулеметы (а Чену это всё известно с измальства) – всё настоящее как в жизни. Крови не видно, это, батенька, вам не Америга... но впечатляет, блин мандатский. Девки плачут... жалко девок; и сгиб режиссёр. Жалко талантища такого. Ну, так я Вам советую па-а-смотреть.

Тут Чехов, непозволительно для такой величины талантища изобразил какого-то своего знакомого по общаге, страдающего заикательной болезнью: «Билеты дорогие, безусловно, но не стоит сокрушаться. Сходите, сходите... Не п-п-п-жалееете».

– Здрасти-Насти! – перебивает его Александр Сергеевич, круто насупясь в чёрнозавитых бровях, – не до синематографа мне. Я тут жду, когда сейф починят. Не могут вынуть зарплату. Бардак! Представьте себе наше время. Я бы им всем тут... А тебя как занесло? Беда, какая, чоль?

Запахло дешёвым спектаклем с минимумом декораций. Потолок высотой до неба. Освещён пяточок с людьми. Остальное – во тьме. Герои ступают кошачьи, говорят негромко – как наполовину ожившие призраки мавзолеев.

Хоть один бы раз тренькнул настоящий трамвай, отсёк бы побулгаковски какой-нибудь вредной твари голову – и тем развеял бы облегающую жуть.

– Где остальное? – строго и сходу, как ловкий гибэдэдэшник, оценивший толщину задатка в трубке алкоприёмника, спрашивает Чехова Чен Джу неожиданно вошедший. Он только что, смывши воду в титановом с позолоченным в орнамент сортире, – что сразу же за карманом сцены, – вытирал махровым полотенчиком руки.

– Лефтина, озаботьтесь, сударыня, чистотой средств гигиены. Я вас прошу, милочка, дочь моя приبلудная, кха-кхе, будьте уж так любезны. – С классиками жить, кху-кху, поихнему выть. Без чистоты и салфеток уже не могу. Нос воротит.

Аллергический кашель. Долгий, нудный, окаянный, как зудение кафкинского комара, как рыба еда – крик инфузории в аквариуме, как скрипоток принцессы Туфельки на обматюганном кучерами морозе. Как когда зги не видать. Когда вожжи бросают, а русские хорхи выбредают сами.

Чен Джу, частенько сшибаясь с гениями, к их классически длинноватому, но весьма лёгкому жаргону как-то весьма быстро притёрся.

Лефтина ахнула по-бабы, застопорила каблучком вращающееся кресло, – само собой разумеется, – обшитое шагреновой кожей бальзака, – которое как карусельку раскручивал,

с виду невинный, но шалун по жизни Александр Сергеевич Хоть-и-Пушкин. Потом схватила утиральник, – по-нашему полотенце – и умчалась с означенными синонимами в интимный сектор.

Антон Павлович замялся.

– Это авансец, милостивый государь, первый, так сказать, прикид, я потом точнее справочку дам, мне, понимаете ли, ехать надо, – тонким, беззащитным и как бы не своим голосом пытается отшутиться он. – У меня нет детей, я хочу пережениться, свадьба намечена под Эйфелем. На втором ярусе недавно ресторан реконструировали, но он, сударь мой, дороговат, судя по прессе. Стёклы там шибко особо телескопные. Через них при включенном электроходе ночной город весь на виду. Как чудный Днепр в их чрезвычайно подозрительную хохлацкую погоду. Молодец Гоголь, настоящий молодец, и архитектуру одинаково понимает, и чтит искусство природы... Не постичь цивилизацию – всё так быстро меняется. Мне не по карману будет – школу надобно достроить. Фундамент, тот сразу, как только заложили, взял и треснул в середине. А сбоку стена изогнулась дугой в сторону улицы. Пришлось признать этот капризус-физикус, изобразить выступ. Но на всякий случай я подпорки поставил. Как в Стамбуле... понимаете меня? Бывали в Константинополе? Ну а в Тифлисе? Тоже нет? Как же так, батенька! А на седых вершинах Кавказа, или хотя бы в гостях у горцев? Ну, хоть бы на минутку? Езжайте в Томск, он почти-что близко, а всё это там тоже есть.

– Не помню. Секундомера у меня не встроено. На сноуборде не катаюсь: дурацкая доска без смысла. И ноги будто завязаны верёвкой. Летишь, летишь, как на кладбище летишь.

– Так там в точности так же, дорогой мой! Ага. Ей-ей. Эркеры моим проектом были не предусмотрены. Вот так-то! Эка напасть... Что делать? Тут помогли. Я знаю что делать, – кричал мне по мобиле Чернышевский. А что с этим его «Что делать» делать? Извините меня, ради бога, за тавтологию. Тавтологию с детства не жалую. Он там как-то всё в общих чертах и очень длинно. Блин, я не сумел разобраться. Сплошные метафоры и политика! Как, кстати, правильней: тавто или тавта? Может, туфта?

– Ну и?

– Нуи? Нуи? Вы так, кажется, выразились? Хорошее выражение, меткое очень, краткое-с. Поздравляю, – надо записать-с...

И уткнулся-с в блокнот.

– Я хочу взять билет на по-езд! – заорал прежде спокойный и интеллигентный Чехов.

И мгновенно утих. – На поезд, понимаете! Мною не надо манкировать – люблю прямую речь, в смысле литературу... то есть правду-матку, никаких околичностей, невнятицы. Фанаберии не люблю и тотчас же хочу услышать такой же явственности простой ответ. Я всего лишь русский врач... Постмодернист. Сейчас мне такой рецепт аптекаря», мать их фармацевтику! пишут.

Чен Джу: «Короче, денег, что ли хотите? Писатель вы наш с саквояжем... доктора. Щипчики есть для зубов, а долото, зубила? Есть? Ну и вот. Извольте – вот Ваш сейф. Берите, пользуйте свой инструмент. Если откроете – берите всё. В нём... Хотя лучше вот как... а то мне самому нужно на жизнь... Сколько Вам надобно для счастья? Шурика знаете?»

Антон Павлович: «Шурика – нет. А вот извольте и поймите меня правильно: о деньгах я после такого... Ни словом... Дас. Разве что сами соблагоизволите-с. А какой у Вас, некстати, рост?»

– Сто семьдесят восемь², – по-простому сказал Чен Джу и подумал: «Сейчас зарплату переведёт в вес, или начнёт пачки складывать столбиком. Лучше бы я приврал».

---

² Рост самого Антона Павловича каланчовый – 186 см.

– О, ja, ja, совсем неплохо-неплохо. Дас-с. Пластическая эллинская красота! Фаберлик! А колики? Нет? Удивительно. А остальное будет зависеть от вас, сударь. Я вам несколько не верю, уж извините. Так принято: не сразу всё давать. Растите, растите... тренируйтесь. Пробовали читать Гоголя? Да, Вы же на него ссылались в «Живых украшениях». Есть у него вещицы. Да и у Вас перластые есть выражения. Далее посмотрим. А чаю, ... чай, простите, у вас теперь чай тут как часто дают? У нас в «Стрекозе», дак в каждой странице».

– Мы больше по пиву, – мазохистничает Чен Джу, слегка успокоясь. – В каждой строчке только точки после буквы «эл». А в каждой точке по пузырьёчку. Ха-ха-ха.

Запах дешевизны увеличивается. Для этого кто-то в кулуаре открыл бутылку с концентратом соляной кислоты и веером направляет в приёмную смрад и яд ея.

– А у нас, так больше, исторически по чаю-с. Послушайте, коллега, – тут же замяв неприятный разговор о деньгах, продолжил Антоша Чехонте, – для надёжного здоровья русского языка мы с вами...

– Об этом мы в другом месте поговорим, – грубовато, словно завуч в учительской, перебивает Чен. И тут же меняет тон, скрашивая вырвавшуюся фразу: «Не возражаете, надеюсь? Могу подбросить Вас до Парижа с Полутуземской оказией. И с ветерком. А? Хотите?»

– Как? Ого! Подумаю уж, коли предлагаете такое. Дайте чуток времени. Так-так. Интересненькое на горизонте дельце. И что же это за туземская такая хитрая оказия? Через Океанию в Париж вознамерились? – скрючил улыбку Антоша, маскируя исключительный заинтерес.

– В Париж, в Париж, в карете, да-с! В современной карете, под бензин, с четырьмя приводами, триста лошадей. Именно в Париж. Ну и ещё попутно в несколько стран. За гвоздями едем, вернее, один знакомый чувак едет. Мы не в Украине? Нет? Так-то вот! Там, кроме вас будет ещё четверо, но место всё равно есть. Для Вас спрессуются. Или Вас спрессуют в толщину книжицы. Хотите на выбор... ну, допустим, в «Мойдодыр». Классная книга для детей. Никто и не догадается. Хотите – нет? Правда есть и другие желающие... но из уважения к тебе, к Вам-с, простите... Там рассудительный человек нужен. Судья. Во-первых, трезвый ум, во-вторых, знаток, щупальщик вроде Вас. Подумайте, поразмышляйте, времени у Вас на раздумья ровно три месяца. Это до фи га. Да! Именно до-фи-га-с! Очень разнообразился словарь за последние полтора года. Это выражение может Вам не знакомо, но очень точный момент. Хлёстко и коротко. Вот так-то. Не то, что Ваши «дас-с, да вас ист дас». ЗаУблис, ё-п-э-рэ-сэ-тэс! Эти «эс», кстати, сильно удлиняют текст. У нас принято изъясняться как-то короче: век информации, скоростей, понимаешь.

– Любопытно, да... выражения эти, скорость жизни иная. И гвозди мне бы лишние тоже не помешали в строительстве. Прямо за гвоздями? Странная цель. В России нынче нет гвоздей?

– Таких нет! – подтвердил Пушкин, будто знал о гвоздях всё, и отвлечьшись от ухаживания за Лефтинкиными ручками. – Кованых да ржавых сейчас не выпускают. Разве что для разных буржуазных причуд красят под ржавчину. Даже краску такую специальную придумали, которая железо ест.

– Коррозионный раствор, – говорит умнящий Чен Джу.

– А есть ещё синие гвозди. – Это умничает Пушкин.

– Ни herrra себе! – голосом Миши Гэ. И заулыбался сэр. – Миша эту книжку читал и хочет снять с неё многосерийное кино.

– ???!!!

– А покрасил их кто? – спросила Лефтина.

– Из золота они, – бросил всезнайка Пушкин. И нелегально сморкнулся.

– Интересненько, – продолжила Алефтина, – кому нужно голубое золото? Жёлтое-то оно красивше будет... Души притягивает... Бандиты его любят. А так и не понять.

– Алефтина, не встречай, а! – буркнул Чен, – не хватало ещё, чтобы про наши гвозди в том веке знали.

Никто не понял про связь гвоздей и синего золота. Ну и, слава богу! Притча о славе. Пахнуло недорогим одеко... детективом. Вся мисс Марпл в одном томе.

– Как-то даже не задумывался, хоть и ездил на брничках неоднократно... и рессоры давил не один раз, – сказал задумчиво Чехов. – Судьёй? ... Не пробовал этой профессии. Я всё как-то больше по диагностике. По журналистике могу, пишу помаленьку разное... Читает народец крамолу. Удивительный у нас читатель: зубы ему лечить некогда, в дырки вставляет сигареты, чтоб красоту с пользой совместить, в эмаль всверливает брильянты... Вот берём Канделаку, красotka та ещё, а как узнал... и как теперь целовать к примеру, доведись... Брильянт, блядь! Облизывать! «Канделябр» вот хочу ей подарить... для намёка.

– Чего? – Это возмутился Чен. Он обожает Тину. Но, у него самого нет в интерьере канделябра.

– Фамилию такую! А... кстати, у вас тут есть пианино или флейта?

– Ах ты жульё!

Чего хотел Чехов от пианино никто не понял, тем более слушать его неизвестные музыкальные пародии. Может, хотел он сыграть романтический текст на клавишах фортопроводных струй и опередить задним числом Блока?

– Думайте, да, – перебивает Чехова Чен Джу. – Пианины тут никакой нет, и за ним не пошлём, а моё слово – портландцемент эм 900.

– Не 250? Армяне говорят, что и эм 100 хватит... – вмешивается снова Чехов.

– Вы что, белены объелись? У вас же ТАМ сейсмика! Но, вот, извините, я возвращаю нас к нашим баранам, дас-с. Вот как же так получается, уважаемый Антон Павлович? Дорогой! Я прямой человек, я ценю ваше и своё время и, уважая Вас, юлить и подмыливать не буду. Вы, ч-чёрт Вас дери, даёте пятьдесят пять процентов под доверие, приносите какие-то результаты анализа. Про свою мочу и её обильное истечение я знаю получше вашего, простите за пронзительность правды. Я просил совершенно другого. Заберите пробирку с собой: зачем вы её вообще с собой таскаете? Коллекцию составляете от знаменитых людей? Я ещё не знаменит и не знаю, буду ли когда-нибудь знаменитым... ха... и любимым. (Л-ов, листнув страницу, усмехнулся смешливым смехом. Он, пока жив, и дай ему Бог ещё страдать за свою веру, любит листать крамолу).

Пушкин зачем-то поискал в портфеле потерянный на днях пистолет. Пистолет, однако же, нашелся в боковом кармашке среди мокрых салфеток с пьянки месячной давности. Он слегка пованивал краснопротухшей икрой, сиял чёрными выржавлинами и, вдобавок, оказался незаряженным и вообще игрушечным, тем более из прессованной фанеры. – Та-ак! Куда же я пульки дел? Последнюю потратил на... Ах, забыл. Ну как же! А предпоследнюю? А, у меня же счёт за расстрелянные зеркала в Ермоловке... Не оплачен... Отпустили под честное слово... Виноват и слова не сдержал. Сдержу позже. Может быть. Так все стараются нынче.

– И у меня должок, – присоединился Чехов, отвлекая внимание Чена от пробирки, – но махонький. Вы в какое стрельнули, неужто в то самое, что в гардеробе, ещё до начала первого бала? Я ведь туда – за зеркальце – рулончик туалетной бумаги засунул, чтобы на обратном пути забрать... А оно – после вас-то – возьми да выпади. Всё в осколках – не употребить... Вот так совпаденьице! Пули у вас деревянные или резиновые? Из свинца? Или под букву «U» для рогатки. Да ну вас вообще. Так не бывает. Такими машиниста поезда не подстрелить.

– Нет, я в кадрили, через плечо, метил в..., а попал в... да вы знаете! Зачем мне ваши спектакли!

Чен слегка призадумался: «Лефтина, возьмите, пожалуйста, у Антона Павловича пробирку, выкиньте её напер. Только не разбейте. Ещё духа Хоттабыча нам не хватало. Так и кондиционер сгорит».

– Дайте пробирку, – осуровела Лефтина.

– Ну, так и берите труд мой... месячный. Чтож! – Чок! – И с Вами. – Чок, чок. – Я ж бокалов ещё не подал! – Мы знаем. Мы кулачками-с.

– И я тороплюсь, мне б к начальному расчётику дополнительно надбавить.

– Ну, так, сударь, Антон Павлович, мне нужен настоящий диагноз с доверием, – продолжал Чен, остановив классические телопридвижения к пересмотру договора. – Понимаете? Бу-маж-ка такая. С печатью. Именно с печатью, а не рецептик с каракулями. Где она?

Чехов задумался, понурил голову, снял, протёр и вновь возобновил пенсне на носу. – Нету бумажки, кончились бумажки. Всё в мозгах. Некогда. Разбираюсь пока. У меня очередь – деревня. Все с сифилисом идут. Падла там одна завелась с сестрой лесбой. Мстят мужчинам. Вспомогните с целлюлозой!

– Лефтина, выдайте господину Чехову пачку бумаги.

– А?

– Белоснежку ему, говорю, дайте!

– Это дело тонкое, – продолжил Чехов, не особенно обратив внимание на презент, но, тем не менее, засунув пачку в потёртый саквояж и при этом специальнозвучно щёлкнув никелем. (Заметьте, мол, и ёмкость старше некуда!) – Ну, как бы это Вам ловчей пояснить... с бухты-барахты тут...

– Вот сами же сознаётесь. Вы вот великий специалист и гений, – продолжает философствовать Чен Джу, – не будучи мальчиком – простачком, понимаете, о чём речь. ...И я ещё, зная сам – кто я есть, не имея бумажки с печаткой, буду выпрашивать у вас остаток Вашего долга передо мной ...в сорок страниц всего? На колени встать? Простите, но это, сударь, невозможное дело-с. Ептыть, да я от рожденья классикс с тремя «с» в конце. Это добавляет вкуса-с. А с Вами относительно «эс» вполне согласен и для того времени тоже. Все добавляют «эс». Во все времена. Только в наше время с иронией, а Вы – с наивной честностью. Я это разумом и чувством, понимаете ли, испытываю. Но я по ходу дела добавляю новаций. В этом разница. Обрезаю слишком уж старорежимные лишки. Жеманные они. Убавляют мужество. Время новое, понимаете? Все – солдаты жизни. Скорострелы. Любовь нынче не в почёте...

– Да уж! Это зря...

Все будто Ревизора ждут: «Зря, зря».

– Хвалят вот этого гражданина, – тут Чен показывает на Пушкина, – Белинский, вот, в него втюрен. А «эс» вы сами не смогли упразднить. Так время, батенька, само много чего упразднило. А чего добавило, то никому у ваших не снилось даже. Скоро живём, торопимся. Отсюда вся дурь, матёрщина, говно. Ценности нынче другие. И продукт жизнедеятельности тоже другой.

– Ох, ты! – удивляется Пушкин, сам в юности изрядный шутник, – и чем же народонаселение нынче, извиняюсь, срёт? Чем дышит в современной унитазной уборной? И почто упразднили схождение во двор? Там как-то и мечтается даже лучше... во время живого... процесса-то. Прекрасно раскормленные мухи. Для рыбалки-то. Можно газетку перед тем...

– Я добавляю специи такие. Я возвращаюсь к литературе. Не к туалетной вони, хотя вопрос, конечно, интересный. Вовсе не такой уж юродивый. Я добавляю «дурки». Злые смешинки такие. Для ощущения. Не для потрафки публике, себе, от души и для души. Мир не стоит на месте – я повторяю.

Разгорячился Чен Джу жутко. И готов Чехова скушать... – А вы мне вдвоем пишется тут... За набросок просите зарплату, это что, Ъ, за дела? Не успеваете – пишете ночью. Я

эскизик и без вашего смогу накидать... Мне расторгнуть с вами договор... Как... ну, понимаете ли, как снег окропить.

Понимает Антон Павлович, и соглашается с ним Пушкин, что, не умея поссать вот так запросто в снег, не смог бы он пробиться в этой долбаной бандитской стране, где воровство – флаг державы, а уж в оборонном аге... аге... аге... Тут его пластинка зае зае зае-е-е-е-е...

– Прекратить
нить,

– велел Чен стихом, ведь жизнь вам доро...

– Дорога, дорога, доро-о-оги – запел Антоша.

– А век воли не видать! – встрял Пушкин, изогнувшись двухкамерным трамваем что на углу с Пятницкой застрял.

– И в это время слишком много нахлебников, издателей-шкуродёров, писателишек разных, засасывающих в себя иную альтернативную литературу, – продолжает Чен. – Так засасывает продукты деятельности человека бездонный, безголовый канализационный прибор. Согласны?

– Слово специальное придумали для оправдания: «альтернативная литература», блинЪ... Ну и что это за явление такое? Объясните, пож, классику.

Чен задумался. Не ожидал подковырки.

– Всё, что необыкновенное, то и есть альтернативное. Поперечное то есть. Несоглаша-тельское с запахом ёрничанья. «Бег» в стихах. Баловство и онон букв с отсутствием здравого смысла... и вообще без всякого смысла. – Это вдруг выпалила Алефтина, будто из автомата, совсем не свойственное крашенным в белокурое.

– Молчи уж, – осаживает её Чен. – Не пристало стенографисткам о высоком ононе рассуждать.

– Ай! – сказала Алефтина, – извините, – понурилась и отошла в сторонку.

– Подрасти ещё надо умом и гражданской позицией, – поддакнул Пушкин.

– В эту, как три буквы войдут, сразу, поди, всё забывает, – оживился Чехов. – Вот я дак...

– Шалава с лицом праведницы, – вслух дуется Чен, потрафляя классикам, на самом деле любя Лефтину русскими вечерами.

Обиделась Лефтина. Как кошка затаила злобу. На время, конечно. Стала сравнивать три буквы Чехова с окружающим алфавитом. Весь алфавит, даже финикийский, оказался мелок по сравнению с тремя буквами признанного писателя.

Приподнимает себя выше всего вишневого садика и шире всемирных татарских хлябей самовосхваленец Чен Джу. – Если что, то, звиняйте, ради бога, но мне вашей грёба... извините, просто тридцатки...

Чехов остеклил глаза: «На сорок договаривались!»

– Хорошо, ваших сорока... да ладно, даже сорока пяти не надо, честно. Да и эти началь-ные... авансы хотите, сразу заберу? – говорит он весьма нелицеприятную вещь великому классику Антону Павловичу.

Тут Чехов покраснел, так как на авансы он приобрёл вагон и маленькую тележку гипса на скульптуру себе. А этот чёртов князь Церете...

Ладно, Чехова, так же, как и большинство просвещённого русского мира, Чен, ну, конечно же, ценил выше всех остальных, даже зная Церетеля, но только при Пушкине он этого ему никогда не скажет. Зачем обижать многодетного коллегу, которого, пользуясь случаем, должны грохнуть на днях. И чужих процентов ему тоже не надо.

Но всё равно Чену приятно. Слеза родственности, сама собой примазавшаяся к славе Чехова и Пушкина, засела в уголку правого ченовского глаза.

Пушкин очередной раз поднял с полу платок, успев мимоходом задержаться взглядом под юбкой Лефтины. Обтёр платок об штаны и протянул его Чену Джу. То ли он чего-то не понимал, то ли так оно и есть, но он не заметил под короткой юбкой ни каких-либо дамских выкрутасов, ни кружевных подложек. Да и сами панталончики вроде бы отсутствовали.

Про стринги у нынешних дамочек, которые порой элегантно прячутся в булочках, ему никто не удосужился разъяснить.

Классик-гений, поэт-родоначальник и директор по производству литературных солянок обнялись; и выпили они для плавности изгиба беседы по пивку.

– Не такой уж ху***вый напиток, – честно сказал осовременившийся Пушкин в сию же минуту по осушению восьмого бокала.

Ровно как Бим. Восемь кружек Биму – норма!

– Друзья, давайте объясним иностранцам разницу и на этом заработаем!

– Да ну его в гузницу!

– Зачем Вам деньги нужны?

– Некогда объяснять. Деньги я сниму со счёта сколько нужно.

– Нет, нет, мы обязаны. Такими вещами не шутят.

– Мне всё это до лампочки.

Пиво сближает. Пиво расслабляет и вытягивает из людей правду внутренностей наравне со здоровьем всех поколений.

– Бэк энд ю эсэсэо. Лучше бееровки, – похвалился Чен Джу.

– Водка полезительней будет, – сказал огромный и ледящий Антон Павлович, при этом зорко поглядывая на Лефтинку. Потом придвинул голову к уху Пушкина: «Его тёлка? На каком месяце?»

– Сам об этом думаю. Понять покамест не могу. И зачем Вам это? Для нового романа века? Как двадцатый век перескрёбся с девятнадцатым, это вы хотите людям рассказать?

– Лефтинка, а принесите – ка нам вот тот экспериментальный образец, что мы в свежий раз изготовили, – перебивает между тем Чен. – Темпо, темпо, аллегро! Это попробуйте! – Буль, буль, буль. – Ну и как?

– Нештяк цвет. Натюрлих.

– Охренеть! С пенкой! Монетой можно проверю?

– Дайте ему, Лефтина, мелочи на пять алтын с возвратом.

– Не могу без любви, – сказала Лефтина.

– Монету! Монету! А подать Тяпкину-Ляпкину монету! – издевался Антоша.

– Так это у нас народный напиток на основе перекипячённой солянки с верхним брожением и без катышков, – радуется победному аффекту Чен Джу.

– Есть, есть букет, – говорит Пушкин, едва соснув пенку. – Букетище! Но не хватает лука-порья. Давеча вот...

– Шибает-таки здорово, – вымолвил Чехов, только нюхнув издали. От запаха ченовского напитка закружило его голову. – Даже без порья хорошо. Буду. Хочу.

– С волками пить – по-русски выть. А порей – вон он отдельно, в салатной тарелке, – объяснил коллегам новый принцип приготовления русской похлёбки Чен Джу, и приготовился всплакнуть от умиления.

К правому глазу Чена, – как объяснял интересующимся критикам лечащий профилактик Антон Павлович Чехов, – подведён излишне впечатлительный нерв. Левый глаз у него не то чтобы не солидарен с правым, но обладает меньшей чувствительностью.

И поэтому известнейшая цитата Чена Джу «...левый глаз не дрогнул, а как-то подозрительно прищурился. Больше всего этот прищур походил на подмигивание, предназначенное для глаза правого. – Не слишком там задавайся, мол, не всё так очевидно, – словно говорил глаз левый» – это всецело может быть врачебной правдой.

– Называется феномен косоглазием. – Это исследователи.

– Хорошо хоть не куриной слепотой, – думает в ответ им Чен Джу.

– Вполне имеет место быть наступление полной слепоты при таком стечении параллельных физиологий. Полный крах, понимаете! Писать надо проворно, пока тонки очки. Не скулить, резать матку. И только днём. – Словно услышав Чена, советует ему врач-доброжелатель. И неловко прячет в карманчик скромное золотое пенсне с бриллиантовым винтиком на переломе, соединённое цепочкой с карманными по-швейцарски часиками.

– А я вот с мужиками в экспедицию собрался, – промолвил повторно Чен, притворившись на минутку полным Туземским. – Еду в обыкновенную нынешнюю Европу. Силу евры проверить. Говорят, придумали её специально, чтобы европчан с американцами поссорить.

– Слышали уж от Вас. Знаем, – говорит Антошка, насупясь. Типа надоел.

– Не собрался, а вознамерились, – поправляет его Саня Пушкин.

– А хотите, поехали с нами, – предлагает Чен обоим классикам.

– Не поехали, – я бы написал так: – «поедемте». – Скромно, но с уверенностью в голосе, вымолвил как выдавил Чехов. – Я бы, может, согласился, только мне завтра на Сахалин.

– Ну, ты, брат, даёшь! – вскричал Туземский Кирьян Егорович – он же временный Чен Джу, или наоборот. – И какой же у вас там теперь год? Поди, ещё «Мужиков» не начал? А как же свадьба на Эйфеле?

– Какое там «Мужиков», застрял на «Дуэли». Лаевский трудно даётся, гад. После «Степи» всё кувырком. Все герои какие-то новые, малоизученные. Городскую природу не очень люблю. Договора нет, а всё чего-то лучшего ищут. Топчу заднее место. Не моего завода коленкор. Лучше б сверху придавили... Жалею своих излишне, линию предлагаю, а они как ужи выскальзывают... и по бабам, и по бабам. Юбки, любовь, на жалость жмут-с, я им... А у вас-то в двадцать первом веке любовь-с есть? А почта-с?

Чен Джу: «Первого нет, а второе только для официальных бумаг. Натуральные подписи по интернету не перешлешь, хотя при старании... щас скан есть».

– ...Как же без почты в любви, с-сударь? А живая печать разве не нужна, в ней же тепло рук и милосердие? – удивляется Антон Павлович и ворчит. – Ну и культура-с. Во что-с превратили Россию! Мужики – они и есть... хоть президенты, хоть конюшенные. Эх, директора, ити нашу мать-Россию!

– Эпистолярню загубили, а это, мимоходом отмечу, начало всякой тренировки, – поддакнул Пушкин. – Бальзам для внутреннего втирания в мозги. Для этого ещё пилочка нужна с алмазным сверлом.

– Правильно-с. И начинать втирать надо с детства. Да, с детства-с! Потом будет уже поздно: чистота чувств исчезнет, запахов не будете ощущать и всё такое подобное, дас-с... Дайте-ка алмаз, а уж сверло-то я вам как-нибудь раздобуду! (Сам думает о подмене).

– Ёпть! – вскричал африканским голосом Александр Сергеевич, перебивая Чехову колени на подходе к мёртвенно-гуманному будущему эпистолярной литературы. – Дуэль, дуэль! Завтра дуэль.

– Я не имею возможности стреляться, – перепугался Чехов. – У меня билет куплен. В оба конца.

– Я бы тоже повременил, – с ещё большей осторожностью промолвил лишь слегка осоловелый Туземский. Или то опять был Чен Джу?

Ноги бы оторвать тому, кто первым придумал технологию стремительной реинкарнации! И так всё запутано в нашем мире! Не хватало новой разновидности исчезающих висяков.

– А я бы с удовольствием посмотрела, – встряла молчащая до поры Алефтинка: она ни разу не присутствовала при настоящей дуэли. Всё какими-то красочными капсулками пулялась.

– Опять встречается, – сердится Антон. – Почто вот неймётся человеку? Хотя, бабы – оно, конечно, не человеки. Нелюди. Что с них взять? Бабино назначение в теперешней Руси – мужиков от водки удерживать, сохранять им пол для возможности воспроизводства.

– Дура молодая.

– Всё от того. Согласен. Скажи ей, что пояс шахидов это модно, тут же клонет и побегит в магазин, – предположил почти-что правду Чен Джу.

– И где же эта проклятая лавка? – восклицал Чехов огромным вопросом.

– Да, да, где этот прекрасный бутик? – завизжала Алевтина, эффективно подпрыгнув в кресле.

– Взорвать бы её, – скромно высказался кто-то.

– Кого?

– Её! Лавку эту. Вместе с Чечнёй!

– Как же, это ж Россия!

– Может и Россия, а может и сама по себе.

В комнате был точно Чен Джу, хотя бы по той простой причине, что в любовницах у Туземского имени Алевтина не было: «Ей лишь бы развлечься».

– По небу б развеять всех вредолюдей, – остроумничал Пушкин, по-маяковски взрезав воздух. Ладонь поранил. – Мне бы повязку срочно!

– Мне тебя ещё сколько кормить – балду такую? – ни с того, ни с сего язвительно произнес Чен. – Молчала бы уж!

Он прощал её только за складные ножки, особенно в щиколотках. – Прощаю, так и быть, – воскликнул Чен, миллисекунду положив на размышление.

– И за это спасибо. – Честно и безалаберно соглашается с Ченом Лефтинка. Зарплату ей терять ни к чему.

– Я не за то ратую по большому счёту, Чечня пусть живёт как может. Она постарается, – спокойно продолжал Пушкин, – вот вы дуэль, говорите. Вот это проблема. Да. Мне же завтра тоже с утра стреляться. Совсем забылось. Сейчас вот и пойду. Вы мне все напомнили ОГПУ: на честную дуэль они не готовы, а как территорию порвать, да как пошутковать с карабином по людишкам, так их хлебом не корми! Хотя... в каком это злом веке было? Я этого не должен бы знать. Где у вас тут часы? (Компьютер показывал двадцать один час пятьдесят девять минут 2009 года) Пойду уже, однако. Лошади-вот должны покушать. Трудный денёк завтра-с. Трудный, да.

– «Ужо, однако, лошадей» – насмехается умом Чен Джу. – Эх, классики, классики... ещё бы с ложечки лошадок-то ваших! Я бы в то упомянутое время ОГПУ за ваше «ужо»! К стенке бы инкриминировал. Вот как драматически поставил бы комедию жизни.

– Ну, прощайте тогда, Александр, не до правописания вам, понимаю-с... Вы уж не сильно там. Не перестарайтесь. Бегите, если что, прыгайте вбок. Там есть такой овражек... Впрочем, нет, обрыв это у Миши. Этот тоже – романтик и стреляльщик по пустякам. За пару обидных слов готов бежать в тир. Будете живы, приглашение моё в силе. Это я про Европу. Не забывайте современное творчество. Без заграницы нам с творчеством не справиться. Вот берём, к примеру, Кристи, или Сеттерфилдшу, или Вербера, Брэма ли...

– Вот у нас сейчас всё не так: усратья, да я б запаadlo с этими... Верберами! Стрелять меня – не перестрелять!

***

Не стал дальше расстраивать Пушкина Ченджу. Затеяливо и как то по-старорежимному добро он обнял Александра за плечи. Вытолкнул многодетного самоубийцу за дверь.

Створка прищемила Александру край сюртука. Край треснул как границы СССР. Так с надорванным краем сюртук и попал в музей. А все думали: – результат после стрелялки – когда за карету зацепились, втаскивая едва теплящуюся паром пробитую грудь героя.

– Тело забыли!

Вдогонку заносили тело с ногами.

Соединяли крепко-накрепко как и было должно.

***

Тихо и невесело проходит оставшееся время.

– До чего оставшееся? – спрашивает дотошный Порфирий. Он всю эту дурь со стёбом только что прочёл.

За окном сценария сильно повечерело, чтобы только не видеть противную морду этого вредоносного доморощенного критика.

– Не может за сценарием вечереть, – говорит Порфирий, – в сценарии нету окна.

– Какой мерзкий цепляло этот Сергеич! Уменьшить на него страничную квоту.

Чехов, погрузив маленько над Сашкиной судьбой, выпросил ещё рюмку. Рюмка с уклоном и объёма в ней не видать. Хлобыснул, с расстояния вытянутой руки плеснув её в свой огромный рот. Чмокнул Алефтину в оба запястья, стал снижаться к щиколоткам. Получив неожиданно ребром ладони по затылку, – приём самозащиты для подъездов, подсмотренный Алефтиной в телевизоре, – загрустил наподобие щербатой расчёски. Подобрал получелюсть, сунул под язык – зацикало-зацокало – и свалило.

Ему надо срочно грузить шмотьё для Сахалина: два чемодана одежды, кожаный сак-воаж с инструментарием, и собрать дорожную библиотечку.

– Место в Мойдодыре Вам есть, – напомнил Чен Джу. – Я за эту услугу денег дам, не беспокойтесь. Умеете складываться вдесятеро?

– Зачем?

***

Ушли все. Сцена, что есть страница, теперь другая.

Туземский-Чен учиняет разборку лефтинкиных полётов, установив её поперек ковра. Пропустил понизу руку и сверяет нахохлившийся живот с временем:

– Третий месяцок. Эть же каков! Хорош, хорош. Мальчонка по всякому. Я желал. Да.

– Не зря, выходит, старались.

– Выходит, не зря. А так? Опс-опс! Не опасно ли?

– А-а! – попискивает Лефтинка под каждый опс, – Ну да, а-а! пока можно. А-ах. Не шибко надавливайте, не в полную силу. Я скажу, когда хватит. Ой. Вот сейчас стоп. А теперь медленно назад. Понятен арбуз? – спрашивает добрая Лефтинка.

– Что непонятного, – говорит Туземский-Чен, – полголовы в прорубь, а как закипит, то назад. Хоть сапоги, что ль, сняла бы, Лефтина. Дорогая моя, ну кто же любитесь в сапогах?

– Подарок, – с достоинством заявляет Лефтина. – Подарки любви не мешают. Гостинчик – не взятка. Вот в прошлый раз, дак...

– Сервиз – вот это настоящий подарок, а сапожки – так, тьфу, обыденность, – в такт поскрипывающим носкам сапожек отвечает пыхтивый, но сбалансированный весь из себя Кирьян Егорович Чен Джу. – Я тебе на рождение знаешь что подарю?

И задумался Чен, приятно размышляя о подарке. Колечки из трубки его плавно-плавно пролетают. Вертясь, ложатся отточенной литературой вдоль тронутого капельками пота лефтинкиного позвоночника. Распре... нет, просто красное лицо Лефтинки повернуто к двери.

Оно вот уже почти слилось с японской обивкой, на которой Славнокаринской³ рукой нарисован вишнёвый сад с тремя миндалеглазыми бабушками. Все они с бамбуковыми заколками в искусственных прядках паричков. Бабушки – японские сёстры-близнецы. Они помнят Чехова, и не раз звали к себе в гости. Они – номинанты Гиннеса (им вместе за 450). Они, натянув ремни тройной коляски, свесились через перила горбатого мостика, что в Саду Скромного нерусского Чиновника. Жуя с веток помытые груши, плюются финиковыми косточками. Целятся, любя, в откормленных, нежных на вкус вуалехвосток. Отгоняют пенсионными криками злых, прожорливых хищниц – красных пираний с жутко восточных озёр.

И думают исключительно о подснежниках.

Скоро ими стать.

И дурь всё не кончается.

Не может придумать окончания этой главе Кирьян Егорович.

***

Вроде всё о старичках... ан нет.

Хрясь! В аналитический отдел Анализатора, не стучась, входит следующий посетитель, внешне похожий на волосатого Кокошу Урьянова. Это щеголеватый, слегка полный, но приятный во всех фигурно лицевых нервах человек. Он в прекрасных штанах на ляшках. Он – Александр Иванович Куприн.

Он будто бы не замечает странно шевелящуюся в коврах парочку и проходит сквозь неё: дымчатым призраком из параллельного мира. Он, как иной раз фокусник достает из кроликов цилиндр, резко вынул из носового платка тридцать пять процентов. Проценты переведены в истёртые до дыр боны царского времени. И поцеловал их. Видимо, навсегда прощаясь. Не так-то легко достаются рубли русскому писателю!

Туземский-Чен забеспокоился: «Почему не в долларах?»

Куприн, как-то не особо торопясь с выкладкой на стол, сначала открыл выдвижной ящик и пошарил в нём. Ничего интересного не нашёл, кроме перчатки Герцеговины Флор, оставленной ею прошлым летом кому-то забытому на память.

Потом замедленным методом стал материализоваться и параллельно приглядываться к обновляющейся обстановке мира.

Увидев шевелящегося по инерции господина Чена Джу с резонирующей Алефтиной, засмутился как-то по-старорежимному. Огорчённо бросил пачку и отвернулся. Увлёкся окном. Ему неудобно. Он не любит групповух и не любит созерцать без приглашения. Обожает кино, причём инкогнитом – в дырочках скважин. Смотрит, потом расписывает подробно. Держится гордо за спинку кресла.

– Извините, не заметил, – только и смог вымолвить.

Он как будто бы дрожал. Уши его, хоть и имели дымовитую сквозистость, запаздывая от общего процесса возврата в жизнь, заметно покраснели.

Что-то не так в этих программах реал-визуализации. Какую-то хрень подсунули Чену Джу за вполне неприличную сумму с семьёю нолями.

– Вы вообще-то по адресу? – спрашивает Чен реанимирующегося Куприна, поднимаясь с колен и отгоняя согнувшуюся Лефтину ласковым шлепком по ягодичным полянкам Олеси.

Трусики остались лежать незамеченной веревочкой, окрутившей ножку кресла.

Куприн рухнул в него, придавив туфлём стринги.

---

³ Угадайский художник, как-то раз вернувшийся на историческую родину Россию из Израиля. Случаи эти участились.

– Во всех Ваших книгах принято стучаться, – незлобным, но вполне справедливым голосом заметил Чен, и стряхнул с коленки раздавленную будто медлящим тараканом папиросу «Чуковская».

– Может, труссы отдадите? – тихо и незлобно спросила Лефтина известного писателя.

Куприн не понял юмора. Сам он сегодня в полосатых трусах до колена (собирался в баскетбол). Он посмотрел кругом и пожал плечами, не произнеся ни слова, а дальше продолжал сидеть как ни в чём.

Чен Джу в последний раз читал Куприна лет этак тридцать-сорок назад, аж с самого детства, потому в гости не ждал, а в лица особ он не помнил.

Частые гости из классики (все гении, – и пошла глупейшая ревность, не совместимая с нормативом) не на шутку его достали.

Навязчивые классики словно соревновались между собой – кто из них больше принесет на жертвенник Чена Джу. Не записываясь в очередь, они приходили и приходили в течение года чуть ли не каждый вечер, брали бесплатные уроки мата. И за бартер, иногда за чёрный оклад довольно-таки чарторно совершали анализаторские акции.

НДС Чен Джу ненавидел как блок сигарет НАТО.

– Лефтинка... уж не от этого ли она...? Или они тут из-за неё... моими процентами смокнут. Выгоню суку, ежели дознаюсь. А обидчика призову... – думал он про каждого нового посетителя. – Уж, как пить дать, призову.

Чен Джу желал бы несколько другого расклада в литературе, побаивался чахоточных, хоть и сострадал им, но был чрезвычайно обеспокоен. Немного ревновал к другим.

– Зачастили, понимаешь. Я не заказывал... точку поставить... там клапан только в эту сторону (это про реинкарнацию) – подремонтировать, чтобы легче туда-сюда шмыгать, или закрыть его насовсем галочкой. Прыжки уже все эти надоели. Полутуземский очертенел. Бросить его, что ли совсем? Лефтине сказать про... она это сумеет. Переправить её туда к этому... Пусть мужичонок повеселится. Сколько можно по порнухам шарить, когда столь живого дебелого кругом! Эх, Лефтина, мне бы годочков десять-двадцать в назад... Молодежь ихняя шустрая – не то, что здесь. – Так он командовал себе и одновременно мечтал о возврате памятных и ушедших под сочный перегной лихих девяностых.

Но, после каждого ухода гостя, Чен тут же забывал поручения. Истории с непрошенными аналитиками, приходящими с готовыми литанализами, а также со своими набросками и правками Ченовских глав, за которые полагалась некоторая мзда, повторялась вновь и вновь бесплатно.

– Множественность сходств это уже диагноз. Может шизофрения. Не такая, жуть как закрученная у Евина, – потоньше и прямее, но мало ли что. Там же ещё борода, наросты, резкие повороты, башка. Первичные признаки с чего трещат? В подушке закаменелые коконы шелкопрядов якобы для ума согласно китайским рекомендациям – убрать к чёрту. Мало чего китайцы подсыплют в коконы. Могут и передатчики в чипе. Хамелеоновы друзья. А уж не с гайморита ли башка? Нет, вчера только прополисом полоскал... или не прополисом. Чем тогда? Просил спрей, дали капли. Слабо и не шибает. В шестидесятых впукнешь нафтизину, глаза навывлет, сопли в мозг, мозг наружу. Вот это была сила! Щас сплошной обман. Лекарство для младенчиков. Лишь бы не опасно – бояться все напрасной смерти и делают лекарства из гашёной извести.

Так думал Чен, одевая неприлично алую лыжную куртку на дворе мороза.

С порога, наспех, он распрощался с Куприным.

– Алефтина, накорми и проводи гостя, – только и сказал он про ближайшую судьбу знаменитого писателя, щёлкнув для порядка пальцами над головой. – Э-э-эх! Пока, пока, чики-чики, может перепих... может... увидимся ещё разок, повечеряем, а, совместно, как ты смотришь?

Алефтинка пожала плечами, а вспомнив про подарок, выдавила «почему бы нет».

Ничего особенного не обещав Александру Иванычу, Чен далее натянул по привычке ошибочную лефтинкину шапочку «Storm», потыкал пальцем в шарфике. Заткнув щели, шлёпнул по карману, проверяя ключи. – Тут сцуки!

Выйдя на прямую, помчал в «Магазин на Будапештской» перепроверяться с купринской писаниной.

***

Лефтина вплотную занялась спасением трусов. Для этого ей пришлось приподнять кресло за ножку.

Куприн даже не пошевелился, вдавившись в кресло наполовину полуматериализованного, потому почти-что ничего не весившего тела.

***

Будапештский, мало того, что был в крошечной тьме, оказался на последнем дне ремонта. Там вворачивали экономических, кусающихся ртутным ядом электрозмей. Ох и вертятся же твари, ох же и кусаются.

– В зависимости от степени сходства с Куприным определяю ему гонорар, – так рассудил на следующий день честный и даже порядочный иногда Чен Джу.

***

Романы и повести Куприна растолканы по тыще двухстам страницам одного тома.

– Тут, пожалуй, половина его творческого бытия распахана, – подумал Чен. А я за год по вечерам почти столько же накропал, не будучи на иностранных курортах.

Это спортивное достижение ленивый графоман отнес на счёт компьютерной технологии.

– Вот же, вся польза писателей, считай смысл его жизни, уместается в страницах. Удобно и наглядно. Гениальная находка человечества. А вот как быть, к примеру, сантехнику? Как запомнить его жизнь и пользу, кроме рожденных с его помощью семерых по лавкам? Как запомнить все починённые приборы и слова благодарности в его адрес? Как запомнить минуты удовольствия, доставленные его более живыми, чем обращение с разводным ключом, взаимодействиями с хозяйками ржавых батареек и текущих кранов? Никак! Писательство – более благородное занятие. Простенькая бумажка с буквами – более долгожительница, чем чугун. Лучше сохраняется, чем ископаемый фарфор и глиняные таблички. Ибо бумажки имеют возможность перепечатывания. В них ценится мысль, а не материал. Мысль важнее глины!

Про то, как увековечить все остальные сто тысяч узаконенных профессий, не говоря уж про полуполезную работу сицилийских реквизиторов, про опасную и непрерывную службу продавцов лекарств от головной ломки, про труд курьеров и курьерш с посылками радости в желудках и вагинах, – про это Чен Джу как-то не подумал.

Для Чена Джу профессия сантехника стояла на втором месте ввиду категорической неохоты её исполнения. На первом месте – ремесло волосатого, надоевшее как горькая редька, если кушать только её, как труднодоступный обезьяне банан. Этот эмпирический фрукт, прежде, чем съесть, надо выколупнуть из под потолка палкой, балансируя на спинке стула, под неусыпной слежкой профессиональных натуралистов.

Чен считался знатоком в области всех видов эстетик. Правда, не для применения их на себе, а абстрактно. Он и пальцем не пошевелил, чтобы повысить статус самой эстетики. Разве что, умело разрушая её, он напоминал человечеству об её хрупком свойстве. Чен Джу использовал знание эстетики для того, чтобы просто иметь её в виду на чёрный день. А ещё для того, чтобы обоснованно порочить, когда больше не на чем сорвать зло.

Бумага стерпит всё. А бумаги у Чена завались.

Неоплаченного электричества в его компьютере накопилось больше, чем на Угадайской ГРЭС, откуда Чен черпал халявную энергию.

Домашняя проволока с крючком ночевала на уличном проводе. От любви их шли искры.

***

Страницы купринские (его творчество, его смысл бытия) упакованы в толстую корку. Страницы пребывали в обыкновенном бело-бумажном состоянии, но корка была нахально малахитовой, скользкой, шершавой, прохладной. Лягушачьи шкурки в наше время креативно дороги. Покупка не свершилась. Сверку с Куприным, соответственно, претворить не удалось. Взамен Чен купил простенькую брошюрку. Это воспоминалки о Куприне его современников.

Придя домой, он бегло пробежал страницы.

Споткнулся на известных каждому экзамену высказываниях Л.Н.Толстого о Куприне.

– В искусстве главное – чувство меры... – шпаргалисто сообщалось там, и дальше: «достоинство Куприна в том, что ничего лишнего».

От купринского чувства меры Лев Николаевич мог легко и без всякой меры заплакать. Он мог заразить плачем Ясную Поляну со всеми прячущимися за заборами раздевалок дачниками в полосатых майках. Мог наградить слезами любовниц дачников. Все как одна в красивых вафельных пеньюарчиках и с полотенчиками вокруг изумительно пустых головок.

От чувства же меры Чена, Толстой, доведись ему прочесть что-либо из Джу, мог только, разве что, разразиться длиннющими, по-японски изошрёнными непристойностями. Он мог бы разволноваться и раньше времени уйти смотреть небо. Отличный в тот раз предполагался закат.

У Чена Джу было чувство меры, но особое. Оно ограничено эгоизмом и сюжетной усталостью. Сюжет он игнорировал сознательно. Голодал, питаясь исключительной интуицией. На чистое искусство, короткость изложения и на лавры не претендовал.

– Вот и хорошо, что лягушачью корку не купил, – радовался он. – Лев вовремя напомнил забытое, старое, прекрасное, ценное. Спасибо Льву. Мы со Львом одной крови, одного помёта, в одном русском прайде рождены.

Голосуем за права эмбрионов!

***

Анализатор...

Анализатор – чистая математика. Алгоритм построен на множественности совпадений. Раз так, любой – талантливый или бездарь – в той или иной степени будет на кого-то, заложенного в базе, обязательно похож.

Анализатор ловко высчитал в тексте ченовской книги плотность мата и быстренько сравнил его с Фимой Жиганцем.

– Морду бы бить этому г-ну Анализатору парламентским методом. Причем тут мат, зачем на нем обострять, и как его удалось вычлениить? Может, по одноэтажности фраз и короткости слов?

Непонятки! Походить на Фиму – знатока «босаяцкой речи» не хотелось. Чтобы избавиться от Фимы, Чену Джу пришлось замаскировать все приклатнённые жаргонизмы. Неформаты, от которых он так долго не хотелось избавляться, пришлось заменить генетическими менделёвинами, латинскими символами и буквами.

По всему выходило, что лучше бы анализатор вообще никого не определял.

Ещё лучше, если бы анализатор сгорел, запутавшись в сравнении произведений Чена с заложенными в базе. Тогда бы это было прямым указанием на неповторимость ченовского творчества, и, стало быть, бывшим для самовосхваления автора гораздо ценнее.

Шло время. В Анализаторе замелькали другие – менее авторитарные личности.

Вот непьющий помногу на охотах Пришвин (с удочками и ружьём); вот лёгкий на многокилометровые литпробежки Сегаль; тут вот серьезный своею фамилией, быстрый, круторогий зверь-поскакун Лосев. Пронесся Тянитолкай. Рожи его, направленные в разные стороны, не известны Чену. А тот скакун, между тем, был Ильфо-Петровым.

Чен Джу уже окончательно расстроился и перестал пользоваться Анализатором вовсе.

Это обидно: с классиками он узнакомился в хлам, а вот померяться с новооткрывателями стилей и специй – актуальных соответствующему времени – антилитературным Палаником, подкожным зудилкой Кафкой, половым фантазером-затейщиком Набоковым, мальчиковой троицей Селинджер-Брэдбери-Харпер Ли, карьерным мордобойцем Амаду, извращенцем и матершинником Уэлшем ему явно не удастся.

Большая и масенькая, русская и ихняя Букеровские премии даже не подмигивали Чену Джу.

Не дозрел, видите ли. Как такое можно сообщить моложавому старичку? Каким обманым сленгом не выбить из него слезы?

Мохенджо-Даро

Это одна из самых великих тайн Кирьяна Егоровича, место которой в опечатанной книге. Лучшее место для такой книги – тюремная библио'тека. Тюрьме с толстыми стенами стоять на скале необитаемого острова. Как на Татче. Вот и остров пригодился. Охранять книгу – Маске. Связь Маски с миром через Z-образную трубочку, через которую качают жидкую пищу, и через канализационную трубу с решётками-ситечками, через которые даже таракан не пролезет, не то, чтобы мышка.

Бывалычи, тайна держится тайной два дня на манер горячей лошади в загоне, рвущейся на волю, а Кирьян Егорович держит её крепко за уздцы, нахваливая себя: «Какой я надёжный молодец».

Потом уздцы удлинняются, образуются в поводья, потом в аркан, после в душительную верёвку, а Кирьян Егорович всё устаёт и устаёт больше – он же не мальчик!

А кобыла всё не умирает, увеличивает круги, ластится к прохожим и друзьям через ограду.

Кирьяна Егорович не велит лошади облизывать друзей – они не умеют держать тайну обета в себе, они дети и тут же разнесут новость друзьям по песочнице, а те – по секрету белу свету.

А допустить свою тайну до прохожих можно: а что же, они толком не знают Кирьяна Егоровича; и предмета тайны по фамилии тоже не знают.

Притом Кирьян Егорович может выразить тайну в инициалах, а под эти инициалы подходит половина города: поди догадайся – с кем эта тайна произошла.

А лошадь всё рвётся и рвётся. И вот уже лучший друг посвящён в инициалы, подержика лошадку, пока я сбегая кой-куда (тут же сболтнуть), потом язык Кирьяна Егоровича испускает последующие буквы и ойкает матерным нутром.

– Да что ты, что ты, Кирьян Егорович, не бойсь, от меня дальше не пойдёт, я – могила!

– Если что проскользнёт, то ты будешь внизу, а я копщиком, – говорит К.Е. злом. – И горстки сверху не брошу. Побожись!

– Да я же не умею. Я человек советский. Бывший в комсомоле.

– Тогда честью своей мамы.

Честью своей матери можно. Она далеко, хоть не астронавт, и домой не торопится. И не на шутку болеет потворничеством. (Восстанавливает здоровье проституткам).

И вот лошадь уже живёт у жены товарища.

От жены товарища перебегает к подружке жены, и так далее – по кругу.

И вот уже весь город знает тайну Кирьяна Егоровича, не зная самого Кирьяна Егоровича. Ужасная тайна становится весёлой сплетней, открытой для мира и легко поддающейся художественному раскрашиванию.

И в один прекрасный день какая-нибудь новая артистка Кирьяна Егоровича, приравливающаяся к постельке, раздеваясь в прихожке, разбрасывая одёжки по пути в спальню, считая, что этот скоростной манёвр поможет любви, под страхом смерти докладывает не вдруг, а по дружбе, Кирьяну Егоровичу, вот уже сама в одних трусиках, вот уже без, и громко: а сходи-ка ты сам поначалу в душ, мало ли что... там сегодня ржавчина и непонятно, что ж теперь делать, да ладно и так сойдёт, я сама в поту, и скоро у меня спектакль... что один тут в городе чувак натворил такое... Давай-давай скорее, мне ещё надо попасть на работу... Процесс. Затем наскоро обедает, находясь более чем в неглиже. И улетает, чаво-какао!

И Кирьян Егорович, запутавшись в полотенцах, полотенца теперь рыжие до следующей стирки, а стирка согласно распорядку через месяц, с ужасом догадывается, что этот чувак он и есть.

А зашифрованная обородевшая фамилия, бродя по глухим телефонным проводам изменяется настолько, что уже и не страшно, напротив, тайна напрочь завуалировалась и на три тыщи километров отодвинулась от правды. И в ней образовались новые подробности; и такие они расчудесные, будто рядом стоял человек со свечкой, а второй был стенографист, а у третьего только кэнон, правда, вспышка не работает, тепловизор сдох, и что нечаянно на выходе из кассеты порвал плёнку, которая моднее цифры, дак проявитель нынче не тот пошёл, а закрепитель сделан из дерьма, и серебра в нём как от старой кобылы молока, поэтому образ героя дегероизирован, а доблестный случай депозитизировался до анекдота.

Так что К.Е. доволен даже больше, чем в момент тайнообразования. И вообще он – Бонд, и тайно предпочитает блондинок, регулярно и ровно тогда, когда уже не на что надеяться, приходя на помощь малышам согласно списка добрых дел, спасая кошку буквально из-под колёс автомобиля, нет, лучше из-под поезда в Шанхай, оставя на рельсах манжетку и половину галстука.

Груша, публика, усилитель, пятьсот рублей в день, периодическая боль у женщин в Библии именуется вежливо. Вообще, вежливо всё в Библии. С привкусом либо недосказанности – вины ленивого переписчика, либо конкретно скрываемой тайны с тонким библейским намёком на будущее, мол недоросли ещё до знания, и с грубой специальной путаницей, рассчитанной на конкретных идиотов.

Девчонки в старости периодически омолаживаются от воспоминаний Кирьяна Егоровича. И плачет их память: раньше было маленько не так.

Обнародование тайны, которую К.Е. хочет доложить сейчас единственно Порфирию Сергеевичу, в самом начале могла бы привести к непредсказуемым последствиям.

Но, время прошло и тайна заросла водорослями и карл его облепился кларами так, что уж и не счесть всех клар, отпробовавших у карла. Последствия покрылись ржой, выкидышами, выскребышами. Фамилии постарели безвозвратно, и дело вообще стало походить на древнюю легенду, хотя прототип ещё довольно-таки живёхонек.

А на легенды никто не обижается, наоборот, легенды добавляют славы самому ему и отечеству в целом, если миру догадаться, откуда он родом.

Раковина пуста. Коллективный сон. Кошмар. Святые ослы принадлежат только тому, кто их видит.

Порфирий Сергеевич же вообще не в курсе.

И Вы знаете, что только он один читает эту единственную в мире книжку, следовательно здесь точно могила! Как и четыре года назад, когда К.Е. кончил в бане, колдуя с сушкой на пенисе.

Сам дурак.

Не понял, повторите.

Сигнал бедствия.

Чёрт, возьми ничего себе!

SOS, SOS!

Проклятая джинская лампа! Опять она без топлива не горит: нефтару налейте: нефтар не вечен в волшебной лампе.

Приём.

На связи Индия.

Или Палестина, звать Обалдиной.

Ах, так! А не пошла бы ты... или вы... или говорите по английски: я знаю пять слов, которые употребляйте комбинируя.

Вэбкамеры нет и не будет.

Он – человек явно вымышленный.

Хотя, может быть, это и есть та самая пора, когда просто необходимо рассекречивать.

Припоздал пиар, да ладно. Чёрт с ним!

Будь что выйдет. Я буду жить у тебя с моей мамой, если она выживет в этой дурацкой больничке: так ты похож на моего папу. Такая классная у тебя хата! Спасибо! У тебя есть плюшевый медвежонок? Я буду с ним спать!

***

Рассекречивание по горячим следам могло привести к непредсказуемым вариантам. Их немного.

Приготовились, включаю, си си си, джи джи джи, ди ди ди два.

В скафандре грелка, в грелке спирт.

И никаких доказательств на ребёнка – документы поддельные. Поздравим задним числом, причём из космоса, когда билеты подешевеют.

Не поверите, что с ним случилось.

Что-то из мира фантастики с болтовнёй как всегда.

Да вы сами поняли: пагубный нарциссизм, когда в столетнем твоём отражении только младенчики.

***

Словом, так:

Вариант 1. Негатив.

Оно могло привести к бесславному краху Кирьяна Егоровича во всех ипостасях и провалом планируемой в том году поездки знаменитости Шонк в столицу Раши, с межгосударственным скандалом, после чего развод. Даже после подачи апелляции в суд Шонк-суперстар вряд ли бы смогла путёво разжевать случившийся казус адвокату. И навывдумывала бы лишнего. Например, что этот русский их бинь вор и сциллил у неё харибдины часы.

Вариант 2. Позитив.

Престиж Кирьяна Егоровича взмыл бы ненадолго, зато на неуибенную высоту. А его пригласили бы (причём нахалывно) в Турцию и Таиланд. Лишь бы подальше от своей русской родины со скверными жёлтыми журналистами, от папарацци, сколько в них «ц» и «п»? Пусть бы залился своим пивом, помалкивал, а лучше бы потерял с алкоголя память.

Вариант 3. Позитив, непринуждённо переходящий в негатив; шатается, как ртуть в градуснике. Без всякого международного шума отсекло бы ему руки-ноги и язык якобы случайным тайландским крокодилом. Вариант незаметного, биологического принуждения к миру.

***

Место действия: индийского имени отель в Лидо ди Эсоло. Это в Италии.

Прикрытая зарослями магнолий и прочей вьющейся ерундой площадка.

Дышащий паром бассейн.

Площадка соприкасается с рестораном отеля «Мохенджаро» (не ищите его в Гугле), следовательно пиво и вино всегда с тобой.

Экзотика неба, многоэтажки за спиной с лоджиями вкруговую.

В щелях растительности вид на море.

В ресторане никого, кроме дежурного бармена, он же официант.

Никаких папарацци, ибо ночь.

Коли ибо, да ещё и ночь, а папарацци изобличают ворон в собственных постельках, то утрешние снимки в прессе исключены. А зря (укор папарацци), так как по ночам изредка происходит самое интересное для СМИ, стоимостью до – год не работать: просто не надо быть ленивым, и честно, не щадя живота своего, поджидать и ловить момент удачи.

Учёный ловелас и бывалый курортник Кирьян Егорович (ещё и член фальшивой Угадальной делегации Арх. Бьеннале 07, спасибо О.Ф. из г.N, сертификат с золотым шрифтом и иностранными буквами, висит в офисе на видном месте, отгеснив регулярные отечественные доказательства) ... паспортов при знакомстве не показывает.

Спасибо и Насте: у неё любовник в Венеции и она совмещала два полезных и чрезвычайно приятных дела: работу с любовью. Ещё и симпатична. Потому смотрит свысока. И потому не принимает ухаживаний, зато с удовольствием пьёт за счёт расстриг-ухажёров.

Завидую всем бюро путешествий. Одна бесплатно побывала в ста странах. А он только в двадцати пяти.

Спасибо и Карле, она была проституткой на Босфоре, но унырнула – какая редкость – и теперь она – уважаемый гид. И лобка её больше никто не видел. Только под шляпкой на пляже можно, и то, если бы штормец, как весёленький котик на Майами-Бич, сдёрнул бы с неё шляпку.

Кирьян Егорович здесь вообще ни с кем не знакомился, отдыхая от любовной суеты и связанных с нею обременительных обязательств.

Оставаясь наедине с собой, Кирьян Егорович становился человеком модным и свободным, мыслящим сугубо индивидуально в свою пользу.

Другими словами, он как отшабашенная от стада и остриженная овца, ой, я сегодня какая-то по особенному голая! становился крайне любопытным, с одной стороны, с другой ленивым и праздным (чего всегда не хватает, но о чём всегда с ослиным упорством мечтается). Именно овца, непременно овца, которую васильки интересуют исключительно на предмет съедобности, а уже не человек с запросами аморального свойства.

Алча съедобных васильков, а такое бывает, Кирьян Егорович заходил только туда, где ему потенциально могло понравиться. Туда, где в полунеглиже могли оказаться нагибающиеся над прилавками стройные, жирные и так себе итальянские, французские, немецкие бабцы.

О том, куда направить ноги, спорить не с кем, и это прекрасно.

Как утомительно заниматься спорами. Это не грибные споры, а межчеловеческие. В таких спорах обычно побеждают женщины, так как без осуществления взбредшей в голову мысли женщины попросту не могут жить. Они проедят вам всю плешь и печёнку, если вы не предоставите им такой возможности.

Ни с кем не приходилось ругаться! Мама Мийя! Какая красота! Беззаботная Майя вне надоедливой, жужжащего об одном и том же, пчелиного роя.

Он прогуливал бабло в кафешках энд шанташах и ему не приходилось рассматривать и обговаривать ценник, и смотреть на просвет чек вместе с попутчиками словно папиросную страницу из лучшей книги на свете. Делал всё, как просили.

Он глазел в витрины магазинов, но поверхностно. Его больше интересовала марка стекла и степень пуленепробиваемости, нежели то, что пряталось за ним. Вот последствия профессии!

От женских, а тем более мужских шопингов его тошнит. Если изредка и заходил куда, то только для того, чтобы рассмотреть интерьер – как бы – вот же слова-мусор – удовлетворить зов профессионала.

И не покупал ровно ничего. Существенного. Из.

Он удовлетворился значком на лацкан, мини-флажком и магнитным стикером на недолгую холодильную память.

И ему никто ничего не советовал: возьми это, мол, возьми то, сё, вот ещё клёвая вещица... нет, настоящая подделка, говно, генно модифицированное, дешёвое, а это уже уголовное дело, кому этот эксперимент понравится. Всё равно: мне две, нет четыре – дочке, жене и две – любовницам. Выйдешь и продавец не станет брать трубку, хоть ты изорвёшь все телефонные провода в гостинице. Танцуй фламенко перед зеркалом, скворец-джиггаит, на высоких пляши тонах, тварь хвостятая спереди, и ни о чём другом не посмей думать!

Он, совершив деловые прогулки в компании двадцати наискущнейших делегатов с делегатками, которым на бьеннале вообще наплевать: шоппинг гораздо интересней... вечером, а иногда и ночью, отдавал себя любимого полностью на пользование себе любимому, не ища лишних приключений для себялюбимого.

В одиночку попивая пивко, трескал наисвежайших устроимидий побережья.

Безустанно менял марки вин. Тут марок – не шерсти клок, тут клондайк марок, тысячи клондайков, други мои. Езжайте в Лидо, и неплохо, если угадаете на праздник урожая: тогда попадёте на бесплатное вино, которое возят по улицам прекрасные девушки с пушком над губой, в коротких юбочках а ля рим, и с венками вокруг головы, и при вашем желании могут не просто дать бумажный бокал с прикрытым жидкостью доньшком, а облить вас струёй вина прямо с тележки, придавив пальцем крантик, и при этом хохотать и шутить по-итальянски, а итальянские любовные шутки со словечками – лучшие в мире, а музыка их в эту бесконечную ночь бесплатна – в какую кофейную щель не загляни, и соберутся здесь музыканты с певцами со всей Италии, куда прекрасно встраиваются битлы с рокерами, с волоснёй и бумбоксами. Жизнь в это время не трава, которую можно не только топтать, но и кушать, другую дымить. Словом, жизнь есть Бог, и хочется ещё немного продержаться на белом праздничном, поэтичном свете!

Экономя евры, купался в мохенджарском секторе моря.

Жалея здоровье и жизнь, заходил в мохенджарское море всего лишь по колено.

Ксан Иваныч заходил глубже.

Расчёт Ксан Иваныча проще рецепта варёной репы: раз уж купил номер с навешанными услугами, то надо гасить услуги потреблением их.

Даже ослифф не сезонн, не тулуз, не лотрек в муленруже.

Сезон водокупания то ли ещё не наступил, то ли давно кончился.

Кирияну Егоровичу лень копнуть фотографии, чтобы посмотреть дату.

Солнце есть и даже жарко.

Вода мурашковой температуры.

Адриатику подштармливало.

Лидо ди Эсоло периодически и слегка, нежно, словно приёмного ребёнка, взятого из-под крыльца в коробке от новогоднего торта с миллионом в пелёнках – это только для начала – носить буду каждый год, карёжило славненькими по-домашнему ураганчиками. Несите, несите ещё, я даже не спрошу фамилии и уж как-нибудь сама придумаю имя. Мини-ураганчики здесь незабываемы своей ласковой прелестью, так как они не сворачивают шей любопытным туристам, особенно с континентов, а просто наклоняют их головы. А таких специальных людей с элементарно, тем более согласительно и любовно наклоняемыми головами, ибо это некий шарм: слабеньких женщин уважают мачи с пнями вместо шеи, здесь полно.

А вот играть на улице в карты и даже гонять фишки по нардам невозможно: сдувает, путает.

Декоративные ураганчики запущены или кем-то слишком умным на заказ для экзотики, либо кем-то с неба, не слишком озабоченным комфортом земных отдыхающих. Доставляя неудобства коммунальщикам, Красному кресту и карабинерам, выбрав наугад парочку жертв и повырывав самые слабенькие деревца (вот она естественная селекция) они не ломали общего настроения мещанско-прожигательной жизни этого чудесно распластанного вдоль моря городка.

Город – ветчина в окружении живого салата, берег моря – расплавленный сыр.

К явству полагается вино.

Часам к двум ночи, совмещая предпостельный моцион с лёгким алкоголем – как лекарством для сна – Кирьян Егорович поплёскивал ножками в водах скромненького, масенького, чистенького бассейнчика без всяких вампирских фокусов с людской кровью, которая, как оказывается есть душа и стандарт сценария, и выскакивающих, корявых рук в районе слива, которые запросто и несколько фальшиво утаскивают куда-то под землю, где орут грешники, просто ради пиара заведения и установки им на территории крестов с памятниками. Ни одного важного человека в бассейне ещё не утонуло и не исчезло. Утонуть там можно, если держать тонущего человека в воде минут пять и больше, и чтобы он не сопротивлялся. А он и не будет: такая там вода, просто прелесть какая редкостная жидкость.

Итак, плескание ножками – приятная ежевечерняя привычка.

Он не бедная овечка, а настоящий самостоятельный и одинокий, гордый баран не хуже серенького волчишки или котика, гуляющего методом «сам по себе». В бедном, правда, далеко не в золотом, а в седом руне, торчащем из майки с короткими рукавчиками.

Один на капитанском мостике. И некого бодать ответвлениями лба. А они и не выросли, оттого, что давно холост. Холст. Холокост.

Прекрасно!

Нет, громче и во весь каменный пляж:

П Р Е К Р А С Н О!!!

***

Этим вечером Кирьян Егорович плёлся с уличного, а точнее песочного шоу певички Шонк. Народу много: собрались депутаты от всех отелей. А их там тысячи. Множим на плотность. Добавляем праздных озорников, которые не прочь пошалить ножками, повертеть тазиками, погреть икроножные мышцы и размять яички.

Италия, мы гордимся тобой. Мы в ней как масло в гречневой каше. Нами итальянскую родину не испортить. Славься и ты, наше Отечество: ты ширше всех в длину!

Шёл по берегу, маневрируя между толпами шумных, возбуждённых музыкой людей. Прощальные аккорды трепали людям затылки.

К.Е. хрустел раковинами и давил камушки, подбирая лучшие из лучших на память. Ракушки почти бьеннальные. Бес Плат Но! Йес! Да!

Вот и отель.

К.Е. просквозил ресторан, взял пару попутных бутылок и оказался у бассейна.

***

В бассейне плескалась баба. Вернее, БАБИЩЦА! Акула. Русалка – ноги врозь. Вот так повезло. Щас запечатлеет на память.

А годы летят, как птицы летят. Сереет, размягчается память. Впечатлений всё меньше. К.Е. присел за стол, разъехались ножки пластмассового сиденья, как когда-то лоханулась одна мебельная фирма в Блатнякове, глотнул пивка и устремил взор в классическом направлении. Туда, где колыхалась потенциальная любовь. Рассмотрел. Бабёнка – будто бы так себе. Да и ладно. Трахопорка, сразу видно. Любит извращения. Выжмет из пениса последний сок. Ну дак и что ж? Кургузенькое тельце. Удобней вращать. Хитрая практичная причёска ёжиком. Лишь бы не кололась. Санта Лючия современная, порезанная на цитаты. А он сам поэт.

– Никому не нужная, обиженная жизнью и брошенная мужчинами лесбияночка. – Так сначала подумал К. Е. Ошибочное мнение.

Одна!

– Энергия свежести!

Где ж такое видано!

– Физкультурой надо заниматься: ковать тельце, выкраивать талию, подуменшить задницу. А вообще и так сойдёт.

Задница отблёскивала радугой брызг, маскируя детали приглаженных выступов и неявных щелей.

Кирьян Егорович шевельнулся, нечаянно тукнул бутылкой об стол.

Акулка отреагировала. На звук повернула тонкослухое головуловище целиком. Сжала ноги. Раззявила пасть. Прожорливый западный гомосексмунизм.

Он же – недооформившийся писатель, графоман совсем, может быть, даже и не конечный, поэт в ду'ше поющий, чёрт возьми! Две матерных оперки на счету. Младенчик с бородой.

Сердчишко Кирьяна Егоровича захлестнуло приливом крови. Задёргались коронары. Процент стеноза позволяет: тридцать баллов, ура, можно трахаться и, ой, ритм синусовый, шестьдесят шесть ударов в минуту, можно даже ***бстись. Лёгкие задышали горячо и часто, будто он в кислородном противогазе. Тело поползло со стула. ЧКВ ХОКА ККД. Контроль липидов. Клопидогрель по утрам. Всё впрок. Даже лестница в три этажа – реакция адекватная. Запишите его в доценты!

– Акулокрокодилица = лапонька и киса!

Это была точно она!

Шонк!

Ёпа мама, точно Шонк, собственной персоной, не копия!

Ошибке быть?! Не мо'гло!

Вот так дела!

Шонк опередила его, обогнала в пути, хотя он сорвался с концерта задолго до конца. Видимо, её довели на том самом шикарном автомобиле, что пару суток мозолил глаза клиентов «Мохенджаро». Рязань, блъ! Никаких плакатов и никаких реклам на её предмет К.Е. в Лидо не видел. Не только место проживания, но даже самоё присутствие звезды в Лидо было для абсолютного и подавляющего большинства отдыхающих секретом, как бы сюрпризом побережья.

Шушукались только странненько мохенджарские служащие: бабёнки их похихикивали и показывали зачем-то пальцами на Кирьяна Егоровича.

Кирьян Егорович бесполезно искал на майке дыру, высохшую соплю, невыглаженность штанов.

Всё у него было в порядке. Брился он каждый день и тщательно мылся в душе. Следовательно и ступнями сексуального характера не воняло: пробовали трахать большим пальцем ноги, не остригая ногтей? Он – нет, но знал, что да. Можно так в определённых кругах, модно в треугольниках и зашибись в шведских квадратах.

Видимо оттого, что Кирьян Егорович нынче был образцом для подражания и не задевал никого бутылками, в округе спокойно, как в Сирии перед революцией.

О начале концерта объявлено информатором всего лишь за час до начала.

И всех людей побережья ровно в момент будто смыло волной. Пять тысяч человек покинули свои номера. А, может, там раздавали денежные подарки, а Кирьян Егорович тупо опоздал к раздаче?

Кирьян Егорович не долго размышлял – стоит ли знакомиться с акулочкой.

Стоит! Разок, ну два разка! Сто'ит и стои'т: две недели без секса! ♪♪♪ Мать мою! ♂♂♂
Надо, батя, надо! Где ещё подвернётся такая ловля один на один, причём на таком уровне!

Вопрос в одном: как представиться важной даме и с чего начинать представляться? Это не тётя с набережной Угадая, и не скромная дама с пугливой английской, да ещё королевской болонкой с родословной от Марии Стюарт.

Щекотала, трепетала, уж сознайся, теперь уже не стыдно, когда ты в небесах, а нам ещё жить да жить.

Это величавая величина!

Долларовая миллионщица!

Одна!

Одна!

Одна!

Не Замужняя!

Отдалиска! Ми-ми-ми! Он же – Квакх Ихочет ####!

Без всяких дочечек в колясочках!

Незаглаженная жизнь, пескоструйная мощь!

План действий:

Он тотчас станет человеком от Культуры, от русского Кунста.

(И никаких ассоциаций со скунсом!)

2. Он умело притворится. Может победить в схватке умов. Он сможет, когда захочет, если поддрочит.

3. О провинциальности себя – волосатого следует умолчать. Потому что архитектура провинций уронит его шансы.

4. Потому, что он не сибирский медведь и, тем более, не знаменитый Йети Валуев.

5. Потому что на столике его был фотоаппарат, а под столиком авоська с ракушками. Фотоаппарат ночью: это не волосатик и не искусство, а дешёвый гражданин. А авоська с ракушками – холостяк, бабник, обыватель, пенсионер в отпуске.

***

У иностранной Культюрмафи» длинные руки. У Кирьяна Егоровича тонкие кисти рук и оволошенность полуобезьянки обыкновенной.

И слабой к тому же.

И – удивительное дело – что, блин, за попустительство! – со звездой не было охраны!

Ночью! Без телохранителя, без кольтов и маузеров!

В бассейне! Ептыть!

Вперёд, герой!

В бассейн за Родину и президента! Нынешних укороченных штатов.

Штаты, штаны, президиум и майку – член конгресса – в сторону. Он руль переворота. Простой хотячий олух. Плюх в воду. Шлюх в псду.

Запоздало, а может и в самый раз.

С помпой в голосе, будто в Новый год от Деда Мороза: «Хэлло, мадам!!!»

– Хэлло. (Типа здорово, я пусть буду мадам, хотя на самом деле недавно была мамзелью, в газетах писали. А ты, как не красься, всё равно дедушка).

Посмотрела одним глазом. Похеру ей мужики, тем более, старцы. У неё принц в Стамбуле, а в Дубайях шейх. В Америке почитатель миллиардер и звать его почти что Майкрософтом.

С такими как русские старички ОНЕ не только не ібуются, но даже стараются не разговаривать.

Евру дать? Кушать хочется? Чаю? На сигаретку не хватает или на билет в Дерьмота-ракань свою?

Словом, здороваётся в виде подачки. Если бы хотя бы был подстрижен, интонация стала бы другой.

А так...

Не пошли бы вы...

И на столе у тебя не текила со льдом, а дешевле некуда пивцо.

Да ладно, так и быть, скидка тебе.

Уж, извини, с такими принят сугубо деревенский тон, иначе не поймут, хоть и не шестнадцатый век, и не в чудаковатом Брюгге.

Му-у-у.

Подпишись о невыезде, провинция!

Словом, предстояла борьба за место в смежном стойле. А лучше в одном и без привязи.

С зазнавшейся иностранной коровёнкой так-то просто не совладать.

Вода голубая, подсвеченная. Остальное в темноте. Сэршавые каккамушки, шуршашщсии вциказды. Ночь! Ночь, яблоневого корень! Ночь, ранетка, вишенка, нет спелая, располагает, а хрен предполагает. И влагает, выалчивая.

Цимус! С Канар Ейка!

***

Плещутся вдохновенно и ждут необыкновенного приключения. Щас осуществим!

Шонк с мыслями о продолжительности звёздности. И как ночью будет считать деньги.

Их чемодан наличных.

Кирьян Егорович же – а он как телок на переправе – думает совсем о простом: как бы для начала не утонуть.

– Утонуть? Опоссум! А это ж Эврика! Отгадка. Эвридика твоя.

– Кхе, кхе. – Захлебнулся (умело).

Приданое в трусах.

Оно теперь по колено.

Вроде якоря.

Это один из способов знакомства.

Советуем!

Это то, о чём вы всегда думаете.

Это всё. До встречи.

Ееров тебе!

Рано прощаться: всё только начинается!

– Вы откуда (дедушка)? Не умеете плавать? (Вот чухло).

Певичка показывает престарелому как надо грести и шевелить ногами. Не шевелясь не поплывёшь.

– Голые сиськи что ли там колыхнулись? Вот так подфартило!

Расписываем шкатулки яркими, радостными красками, три тыщи километров от Иваново, напоминает библейский сюжет социалистического окраса, температура краски шестьдесят по Цельсию, Палех, плёхск в шесть слоёв, оставлять надолго работу нельзя – не сольётся: «Я Россия, Сайберия. Кунст. Арчитектур. Бьеннале».

Наждачка, окись хрома, люминь, гольдом по меди, патина, чешуйки, хвост, крыла» анжела», Дэвис, расписать всё, на что ложится. А ложится-же. В ложе и на ложе, и под ложе подложим. А куда оно денется!

Ноги на ширину плеч, руки в стороны, ладони кристаллом наружу.

Стараемся достать стопу, повторяем три раза: проехал спорт. Чушь, аневризма, пациент кричал молчалом в интернете. Мистер заинтересован.

Закончил?

Плыву, плыву ногами по дну.

Якорь слегка мешает.

Ага. Кирьян Егорович перевёл с русского на английский вроде бы правильно и продолжал пассивировать согласно подсказкам.

А воды чуть выше пояса. Коленки присогнуты, ноги плетутся. Петром под водой.

Слава богу, не особенно видно.

Вроде.

Даже.

Будто.

Бы.

Плывёт.

Подводит память? Помогает дебактериоз на сорок часов от Шварцкопфа, дурья голова, ключ от всех запоров, искусство лечения, новая форма, нурофен, хоть ты и не хочешь, а возвратит тебя к жизни.

Вернула к жизни сама барышня Шонк, не трогайте мою секретаршу: «Ну?» (Типа не фига себе! Сибирь? Сайберия? Быть не может. Даль-то какая! Где это вообще? На краю Земли? На пупу? Именно, пуп земли в Сибири. Не зря хотят изъять новые географы-политологи, вот и на картах уже отметины имеются.)

– Если надо (если не верите), то паспорт в номере. Я Раша, ядью буду.

(Материться можно, потому что – волосатый раскусил сразу – Шонк русского не разумеет. Это плюс с совсем маленьким, почти-что незаметным минусиком).

Догадалась, сученька его махонькая, ремонтирует старичка, но не выбрасывает, пусть ещё почелночит туда-сюда, чем старше, тем деревянней, а вдруг пригодится и святой отец на безрыбье. Блеснул глазок фотокамеры в пятом этаже, завтра Кирьян Егорович разберётся с этим делом: что за дела, кто давал право снимать, бабло гони полтыщи долларов, или так отформатирую, что не покажется мало, а у него сильный дух, а русские не сдаются, даже не имея чёткого плана победы.

Барышня говорит что-то типа «наһер мне ваш паспорт, вы сами откуда (дед Мороз противный)? Предлагаете заключить брачный контракт на одну ночь?»

– Раша, я же сказал.

– А, Раша, Руссия что ли? Спервоначала не разобралась.

Будто теперь поняла... величину нашей Сибири. Таиланд с Турцией против Сибири отдыхают даже утроенной суммарной площадью!

– Ес, ес.

– Инглиш е?

– Еера, инглиш!

Какое счастье в незнании языков!

– Русиш. Русиш. Единственно русиш (!), и этого ему для жизни достаточно. Дойч совсем чуть-чуть.

– Найдн знать дойч и быть в курсе не хотэйт, ниht желайт.

– И я не страдайт.

– А знаешь кто я такая? – Так перевёл Кирьян Егорович Шонькин английский.

– У! А то! Ладоши оттоптал. Вы – Шонк, вестимо. Звезда Шонк. Вы моя (hera mowo!!!) слабость. Заняли приличную нишу на рынке музик! А уж как незабываемо красивы.

– Да, да, да. Есть маленько. Вероятно звезда (скромная, кто бы поверил). Госпожа дама певица Шонк. Таиланд. Турция. США. Вы, оказывается, знакомы с нашим музыкальным кунстом.

– Само собой разумеется, знаком. А кхулль! Тчут-тчут. (Вау, Не... ди Жаннка так же ошибётся!) Рок, панк, фольк, рэп, нарк, нырк (одним словом, винегреты и ещё какая-то ботва)...

– Не совсем так. Но уже тепло.

– А я, между прочим, живу прямо под вами. Когда вы ходите, я слышу ваши шаги. Моетесь в ванной... а я слышу плеск золотой рыбки. Можно вас уже целовать? А зря. А Вы ещё в ванной поёте. Красиво, красиво, рыбка. Вы не рыбка, я ошибся: Вы – соловей Золотое Крылышко, бриллиантовый хвосток. Можно я Вас поцелую? Опять рано? Да что ж такого спросил? Я из просто уважения... без даже намёков (ой, ой, ой). Я ещё удивлялся – кто это там, мол, такой жизнерадостный. А это, оказывается, прекрасная заморская барышня, и это Вы, ха-ха-ха. Какое приятное шоу!

– Ес, да, пою, разрабатываю связки, – и барышня странно хихикает, приспуская глаза. Потом окунает эти глаза вместе с головой в воду. Выныривает из бассейна, потряхивает причёской как мокрая спасательная собака. Летят с такой полезной шавки мокрые бриллианты.

Кирьян Егорович понял: рассмотрела его ноги и наличие трусов.

Кирьян Егорович не удивился. Он продемонстрировал ранее сказанное жестами. Назвал номер в отеле, изобразил её шаги по потолку и плескание в ванной.

– Хлюп, хлюп, буль, буль.

– Я Вас случаем не залила? Тут такой зэр шлэхт сантехник! Позор всей Мохенджаре. Вы, случаем, не сантехник? Ха-ха-ха. Я люблю плескаться. Вот как сейчас.

И она плеснула Кирьяну Егоровичу в лицо.

– Спасибо. Блю, блю. Вы весёлая женщина... извините, девушка, извините, с ребёнком. А говорит: немецкого не знает!

– Я не сантехник, нет, я АРХИТЕКТОР из Сибири (вот дурашка). Живу вон там.

Махнул рукой за спину, наугад, и, кажется, попал в точку. В шонькино и в своё окно.

Шонька проследила направление и засмеялась: не врёт деревня.

– Да, точно, я над вами. У меня стиль фольк-панк, если что.

– Я и говорю. – Всё жестами. – Мне этот стиль здоровски нравится. Могу слушать бесконечно долго.

– Поболтаем на суше?

– Не люблю суши.

– Да я не про то.

– У меня вон тот столик и пивко. Прошу к моему шалашу.

Она не прочь. И выпить скорее.

Выползли.

Ни herга себе! (голос Галустяна!) Лечение испужным поносом! ДАМА ЭТА ГОЛЕЕ РУСАЛКИ! Голее стада, косяка русалок! Florida citrus exposition! А купальный домик-то ваш сгорел! Извините. Теперь la Plage el l'Hotel Nude. И не прикрывается даже.

Сиськи он уже видел в бассейне тринадцать секунд подряд, как вежливый семейный боевичок, мы смотрим «добрый вечер», а тут вдобавок мохрень в паху. Вот это да! Ещё и свешивается на манер бородки скромной дворянки на порносессии, используя собачью расчёску иначе не выйдет.

Наивно чистоплотный Кирьян Егорович считал, что большинство чистоплотных современных женщин – у кого бритва под зеркалом – бреются до приличного минимума.

Тут ровно наоборот.

В воде картинка совершенно врала: он посчитал поначалу, что она в стрингах с модной чёрной нашлёпкой в кружавчиках и с сердечком от Mensa.

Кирьяну Егоровичу из всіх причёсок подобного рода очень нравятся «сндрижка повдольс» и когда поделено напополам. Типа буквы «V». Добавим «V» в коллекцию драгоценных мхов-бобровых мехов среди камней.

Кто ещё претендует на это сокровище?

– Спасибо за приглашение, мерси, экскьюзми. Простите, я немного не одета. (Она ещё и вежливая!) Не против маленькой вечерней нуды?

– Фуйня вопрос.

Возьмите мое полотенце.

Мне снять трусы тоже?

Не обязательно. (У тебя, поди, в трусах ничего и нет.)

Якорь от прохлады поднят на борт, блЪ, точно замечено, и свёрнут в трубочку, ё-пэ-рэ-сэ-тэ!

Присаживаются. Певичка небрежно прикрывает грудь и колени полотенцем, качает ногой. Нога колышется в резонанс с авантюрой. Ни разу не любила с русскими, не лебезила передом, не любезничала по-серьёзному, лесбиянству бой.

– Вы курите? Мои сигареты в номере.

– Что-что?

Синдром дракона. Младшая сестричка, старомодные тапочки, не пора ли поменять платье и прочий гардероб?

– Берите мои. Взял бы я Вас в разведку.

Что дальше?

Кирьян Егорович собрался шлёпать за бокалом.

– Зачем, зачем, я могу из бутылки.

Кирьян Егорович тоже умелец из бутылки. А по пьянке может одарить кхой-кхудом. Слышали такой чуй-чуй фрукт?

Хлебнули по чутку. Ух, хорошо ночью!

Языковый барьер мешает активному приотечению приставания.

Кирьян Егорович подмигнул и направил шонькин взгляд с помощью пальца на небо: звёзды – ты звезда, луна – ты ещё и луна.

Я – тёмное облако. В Сибири до хрена облаков, весна, осень.

А главное там – длинный снег. Шило там всегда в мешке.

Человек в онучах чернее янычара кучерявой чумазости.

Мои подмышки особенной внешности! Я – предположительно победитель медведей. Вы королева! А я серый воротничок с красной подкладкой. И всех по хрїстиански выйбу. Даже не заметишь как.

– Знаю-знаю таких добрых сибирячков – не дура. Читала Достоевского. Одна по грибы не пойду. Только с ружьём.

– Здоровски же тут, да? Романти'к?

– Согласна, романти'к!

Пальцевая дробь по столу.

А Шонк вспоминала час назад пропетую и станцованную (и неплохо ею же сплясанную) современную полулатину под названием «Магнит Хэрриес». Джон, Джон, нет тут Джона, одни иваны, да и тот один Иван. Нет-нет, она не может сдаться без достойной артиллерийской подготовки, иначе не отчитаться перед ревнивыми любовниками.

Ха-ха-ха, хариус. Есть такая рыба, да.

– Я слышал. Это...

Тут пальцевая дробь по столу в такт с певичкиным барабаном. Танцевала правая и левая рука Туземского. И пумкали искромётным сексом щёки. Фанданго, джигга. Весьма похоже.

– Вот так. Это Вы. Так пели и плясали. Прекрасно. Плюс Вам. Я Ваш поклонник! Ей, ей! Люблю ваш «Магнит». (Кто же не любит её наинижайший магнит хариус: так же ротиком хавает!)

– Ха-ха-ха. Похоже.

Не заграждай рта волу, когда он молотит челюстями. Будто бегемот Нила.

Туземский продолжает танец пальцев на столе.

Туда-сюда, кач назад, кач вперёд.

Шассе, балансе.

Всё слитно и скромно, как в кукольном театре «Скоморох».

Отлить даже некогда.

И негде.

Зима, снег, утопнуть можно в этой непредсказуемой весенней Венеции.

Дверь закрыта. Детям оставаться на местах и не подглядывать. Сатана тоже хочет стать человеком для пробы этого вида сладости.

Дети кругом, даже в интерьере.

– Смотрели нашего «Поросёнка Вуду»? Нет? А «Зимнего Мюнхгаузена»? А если в исполнении. А хотя бы по радио? Тоже нет?

Профессионально. Похоже.

Туземский лепечет и подпевает.

Певичка похихикивает.

И прикрывает рот рукой, чтобы не оборжаться перед этим смешным русским.

Ха-ха-ха: поросёнок, мюнхгаузен, посрать ему негде, ссы в бассейн, я стерплю, я же оттуда вышла и больше не пойду.

Водообмен.

Нет, нет и нет. Вдруг вода с фенолфталеином.

Тогда за куст, а я подгляжу.

Ха-ха-ха!

Зубы не ровные у неё, блестят по отсветами фонарей фосфором.

Совсем белые, совсем настоящие зубы.

Были бы искусственные – были бы гладкие полярной свежести.

У Кирьяна Егоровича в комплекте только передние зубы.

Коренные в четырёх местах отсутствуют.

На помощь ему бесплатно не придут.

Потому смеётся аккуратно.

Будучи с девочками, не заказывает твёрдых блюд.

Мясо он потому не любит, яблок он потому не ест.

Кукурузу за 650 и той только одна банка на заказ из Узбекистана не покупает: ешьте сами такую долгую жевательную кукурузу.

На очередном куплете четыре пальца Туземского слипаются в едином порыве и изображают страстное танго.

Потом сваливаются на стол и имитируют известные всему трахающемуся миру телодвижения.

Всё под тумканье кирьяновских щёк.

Певичка клюёт: она радуется спектаклю. Душа раскры-вай-вайется.

Под расслабленную вай-ваем душу сползает полотенчишко.

И снова открыто миру преисподнее.

Корона с бриллиантами, а не просто пах!

Блестит каждой своей посеребренной каплей.

Зовёт к приключению.

Он превыше небес, – что можешь сделать? совершеннее преисподней, – что можешь узнать там в глубине кроме заразной энергии?

Приём с пальцевыми танцами Кирьяну Егоровичу знаком.

Так однажды мужской свитер сплёлся со свитером некоей девушки. Сначала было смешно. А потом всё по схеме: свадьба, дети, развод.

– Ха-ха-ха, – Шонк смеётся почти по-русски.

Хе! А как ещё должны смеяться звездатые американские турчанки с тайками?

– Ещё бир? – Шонк, бухнув из горла последнее, совсем принаглела.

Очаровательный вид: «Я только-что поймал тебя. А ты меня. Слушайся. Я буду председателем с маузером, а ты будто помощница без всего».

– Биру! Гражданин бывших советов... с маузером, ха-ха-ха, дайте биру!

– Ноу проблем.

– Гарсон!

Гарсон и так наблюдает за парочкой твикс из витража без отрыва от производства. Один из парочки – русский, какие все русские странные, дома расскажу жёнке, похочем.

– Два бира! И роте вин.

Принёс, заразец этакий.

Самоочевидно за счет русского.

Включит в счёт номера или сдерёт сейчас? Хэр с ним. Деньги у К.Е. есть и даже в приличной (то бишь разглаженной утюгом) купюре. Стыдно не станет.

– Ес, ес, сеньор. Мерси, спасибо, сэнкью. И карандаш ещё, ну ручку, чиркалку (показал) будьте добры. И салфетку. Писать на ней чиркалкой (показал, поняли, принесли).

И пошёл народ как я сказал ему в свой дом.

Шонк восседала, мокря парусину кожей. Панталон её – что теперь стрингом зовётся – ниточкой обвил ветку, теперь стринг оттелева сроду не отодрать.

Час или два ночи.

Мохенджаро увлечено храпом.

Кто-то постельным комедиантом, кто-то немецким поревом форевел подружку.

Егорыч по наташростовски тосковал, по князьандреевски крепился.

И судорожно старался не опускать предсмертно судорожно цинично глаз ниже столешницы.

Где зов вечен, а зев розов.

Испускает он (Крепкий) из уст своих как бы дуновение огня и из губ своих как бы дыхание пламени и с языка своего пускал искры и бури, и всё это смешалось вместе: и дуновение огня, и дыхание пламени, и сильная буря.

Поболтали. Розе вин на исходе. Бир снова убыл.

Растенье хрен с ним!

Траву полевую жевать и цветы пустые теперь ему семь дней подряд.

– Бир!

Опять? Начинается! Пить так пить по-русски.

– Два бира! И ещё айн розе вин.

Тут уж полегчало сильно.

Совсем полегчало, аж шибче шибкого расслабило.

Кирьян Егорович почесал нечто в трусах. Так же в открытую как эти слова. Тому, что там, перепало.

– О-о! Какой Вы совсем смешной! Вы (скрюченный кренделем герр) наверно женаты?

Вау! Если яйца есть, то сразу что ли уже женат?

– Нет. Зачем. Дети есть и хорош. Четыре бэби.

– Ого! Моя печень с маткой не выдержали бы. Певицам надо держать форму. У меня один бэби, один бишь девочка.

Ему не рожать: «Знаем, слышали, видели, продолжаем за Вами повсеместно наблюдать».

Разговаривали пальцами по столу и шоркали по салфетке. Тут Кирьяну Егоровичу равных нет.

Он нарисовал полушарие (без соска – как странно) и встроил в него Русь с Европой.

Сбоку пририсовал круг с Америкой и провел между ними две уверенные линии со стрелками.

В середине изобразил сердце.

Сердце обозначало крепкую любовь Америки, Турции и Европы с Россией. Может так и есть, но они пока не осознали?

Америка, когда ты строила себе блудилища при начале всякой дороги и делала себе возвышения на всякой площади, ты была не как блудница.

Изобразил Турцию, поселил в неё Шоньку.

И снова любовь, теперь уже с Турцией и лучшей её представительницей – Шонькой.

Посему выслушай, блудница, слово... В блудодеяниях твоих раскрываема была нагота перед любовниками твоими и перед всеми мерзкими идолами твоими... я раскрою... я, я, я – кто же ещё тут есть?

И увидят... увижу я весь срам твой... в движеньи.

Кирьян Егорович рассказал, как он видел Шонк неголою и как он слушал Шонк, красавицу, неголою, не голою к сожалению, а голос грудей и сердца – ну вот недавно совсем. Припёрся пешком, едва пробрался к сцене – до того приплясывал с банкой пива – вторая была в кармане курточки.

Без цветов. Без ничерта. Девочки его скучали и потому ушли, а он не такой, он не ушёл так вот сразу, до последнего не вкусив.

А она не давала никому подарков материальных, а дарила любовь через голос.

Но он через головы не увидел всего того, что хотел увидеть в Шонк.

Пританцовывал, плевался, продирался и подпевал.

Средство от насморка и для радостей.

Не замёрз – даже взмок.

Не причастен.

Звал фотографироваться для модного журнала сексуального характера.

По-русски бесконечно!

Выкурил немало. Видели дым в толпе? Так это он один на всём побережье пренебрёг правилами уличных общежитий. Ради неё и Христа ради простите! Пожалуй, узнал некоторые клипы, посчитал количество переодеваний, вы здорово одеваетесь. А мои сородичи так

не могут. У Вас непременно вкус и супергардероб. Угадал? Тяжело не угадать у миллионщицы гардероб. Так это не Шобчак, а дороже. Никто кроме Вас так не умеет переодеваться за кулисами. Дело не в быстроте, а во вкусе.

Спасибо.

Посылал бешеные воздушные поцелуи – Вы видели мои поцелуи Пса? И про Пса Жанчика не читали?

Нет.

Слышали глас в пустыне? А «ура»? А дым?

Это крик моего рыжего петуха. И дух сраженья. Перекрыл музыку? Это я в перерыве громче всех крикнул: я люблю тебя, Шонк, через своё боевое ура. Я же не пела банзай. Извините. Конечно. Кто бы его там заметил! Это вам не Харатс.

И не запомнил Кирьян Егорович по существу ничего. Ни харатса, если точнее. (Вы понимаете? Великое дело языковой барьер!). Но клёво, потому что бойко и... Ритм, бешеный ритм. Супер. Одетый пляж – вечером здорово! Мы – члены. Извините, члены одного экипажа. Бляж торчал и орал. Криков всё равно не было слышно – динамики забивали всё; и звук музыкального неистовства, пожалуй, слышен был даже в накарнаваленной Венеции. А Венеция всего-то на расстоянии плёвого выстрела. Кирьян Егорович – попроси его – не смог бы пропеть ни одного куплета, не вспомнить ни одной мелодии, не произнести толком и вообще никак и ни одного названия кроме Магнита Харриэс.

– Как Вас, мистер Русский, извините, не познакомились сразу, зовут? Какие у Вас ближайшие и дальние планы?

Названо вымышленное имя: «Я – Эфирьян».

Что ещё, блТЬ, за Эфир такой, ещё и Ян? Фантазия выскочила невзначай. Шонк – некрасивая, но всё равно сучечка (простительно, ладно-ладно, без обид, он же в уме) – даже такое фантастически яркое имя не запомнит.

Проплыл по морю пароход.

Ба! Конкордия! Там по палубе скачут люди и раздаётся сплясательная музыка. Такая музыка не боевая сирена, не спасёт.

И возвратили Садок и Авиафар ковчег Божий в Иерусалим, и остались там.

Они ещё не знали, бедные, бедные люди, матросы, капитан, что через пару-другую лет опрокинутся набок, спародировав подвиг Титаника. Горько! Горше свадьбы врага с его бабой!

***

Конец встречи содеялся резво и так обычно, будто дело происходило под лестницами на склонах улицы Прибрежной Угадайгорода.

Даже не случилось вспышки молнии.

Просто пошёл проводить до куста, где Шонк ни секунды не размышляя, почти по дороге сделала гусиное дельце и выпрямилась уже просяще.

Молись, чужестранец, тебе повезло увидеть мои мокроты.

Возвратись и оставайся с тем царём; ибо ты – чужеземец и пришёл сюда из своего места.

А дальше как всегда: для начала руку в пах, палец в щель, другой прижать. Крепкая! Магнитным хариусом вцепилась. Кирюха – железо. Конец арматуриной пронзил его скромную мокрую ткань. Ого! Вот так номер, а ещё старикашка! Раздевайся чёрт старый! Я сегодня хочу экзотики! Древнерусский для неё экзотика, язык – экзотика слабая, зато хрен вечнокрепок, русского старика бы да к Хэмингуэеву морю золотых корыт просить. Даже Русалка бы такому ферроидному старичку дала. Улетели куда-то трусы Кирьяна Его-

ровича. Потом: шелест кустов, отпали завязи хмеля, побряхтывание перголы, по последним данным утреннего отчёта. В деревяшки упёрлись Шонькины ручища. Помягче, не садовую мебель ломаешь. И никаких причуд, ну никаких. Дддд – строчит пулемёт. Всё, кончен сеанс, бал закрылся, пробита пулей мишень и опустел патронник, и патронташ закрылся на ночь, и охотничий и магазин. Но всё равно ух! Ну всё равно нештук. Пуст только на щас: на раз зараз! Следующая партия позже. Полчасика отдохнём? Торопитесь? Ну хорошо, минут десять? Так сразу тоже не могу. Я ж не блядь. Нужен букетный период. Жаль, жаль. – К столу? – Нет, ноу. – А к столбу. – Нет, ноу. – А припасть к нефритовому жезлу? – Что вы, мы едва знакомы. – У меня стояк. – А у меня нет. – Я писатель. – Я – певица. – Без разницы. – Знаменитый. (Будь здоров врать.) – Быть не может. – Может, погодить прощаться? Вы завтра снова выступаете? – Нет, я завтра с утра уезжаю в Милан. – По бокалу? – Хай, чао, пока-пока, бамбино!

– Я, кажется, вас люблю... – начал Кирьян Егорович типовое... жилые условия такие... Ксан Иваныча дома, нет... может?

– Кто это? Такой же безобразник вроде вас, и скорострел едва поспел? Нет, нет, какое, не надо... – так же стандартно.

Пожалуй что его послали на... Дак переводчик свечки опять не держал. Извините, спасибо. Да-да. И Вам. Извините... Я...

***

И расстались, не обменявшись ни визитками, ни телефонами. Зачем телефон при языковом барьерище. В любви язык нужен для другого.

Только истёкшей похотью блеснула улыбка на лице певички под звёздами, рассеянными среди прорех виноградной лозы. Дёрнула стринги – не снимаются, запутались, как обещали. У неё ещё целая сумка. Эти без брюллов – пусть висят. На память хотелю. Накинула халат, слепила накрест поясок. Полотенце оставила – вот же иностранщина – бегать теперь за её полотенцами служки должны! Сглупа приняла ракушку.

А что ещё бедному Эфирьяну подарить знаменитости? Перхоть с головы?

Воздушный то ли факью, то ли поцелуй, слетел с ладошки уже в торце перголы, где тусклым светом подмигивала и посмеивалась над любовничками гирлянда предновогодняя.

Вот мать-то её! Вот Шонк пронзила телом ресторан.

Прощай, прощай!

На кустах певичкины трустринги.

Кирьян Егорыч не без труда распутал, греческая загадка разгадываема, снял и понюхал, сжал в комок, уместилось в горсти, бережно сунул в авоську к ракушкам. Взял ещё пива на посошок. И сел на край бассейна, спустив ноги в воду.

Трусы теперь в Кирьяновской коллекции, в стеклянной коробке, на самом видном месте музея редкостей, рядом лупа на цепочке, трусы стоимостью в память не продаст никому, посмотреть приезжайте, хранят, хранят запах моря.

***

Курит кто-то на третьем этаже, ровно над номером Кирьяна Егоровича.

Море волнуется – раз, море волнуется – два.

Внизу у бассейна копошится служивый мохенджарец.

Хлюпнул отвинченный клапан.

Спускается вода и автоматом подсыхают ноги Кирьяна Егоровича.

Ноги не сокровище. Его предупреждали.
Завтра он снова станет грубым.
А бассейн наполнят свежачком. Без любовного запаха.
И опять тишина, если не считать назойливого стрёкота влюблённо светящегося насекомого.

Дама или он?
Ум шумно за умь заходит. Как восьмимиллиметровая плёнка.
Будто ему семнадцать лет и Смена в руках.
Чтобы он не делал, фотоаппарат был на шаг впереди.
Смена – хорошая девочка и никогда не болела, пока не стала главным танком в пластилиновых играх.
А потом умерло её стекло, заляпанное жиром оттисков.
И она преставилась слепой, и треснутой причём посередине. И со снятой башней, зато с новым дулом.

***

Что-то небольшое тонкой линией полетело с третьего этажа.
Пролетело, упало в траву, прокатилось и тукнулось о бортик или корень.
Звук глух и пуст как пумс.
Шонк явно развлекалась перед сном, скидывая вниз лишние вещи – словно скорлупу снимала с любовницких яиц.

И вдруг: «Хэлло, видишь, нет? Это тебе!»

Кириян Егорович разглядел траекторию. Пошарил. Свет слаб. Не нашёл.

***

– Завтра! – крикнул он.
– Ок! Только очень рано, пожалуйста! Не забудьте. Обязательно обязательно РАНО!
Раньше всех, пожалуйста. Спасибо. Пока. Вы были мне будто сказочный добрый мОлодец.

***

Утром (раньше всех) проверил ещё раз. И что же? А то, что это драгоценный – от души – ракушечный подарок Кирияна Егоровича. Я люблю тебя такой, какая ты есть, нелепая Шонк с чёрной миллеровой розой влагалища! Сяксус-ляпсус. Ты прислуга, а не я лакей. Твоя обязанность выполнять мои приказания, а не проявлять инициативы. Зачем кидала? Чтобы ещё раз вернуться? На память о дедушке из Раши?

Или, чтобы навсегда выкинуть из памяти?

Что ещё могла выкинуть Шонк? Разве что какую-нибудь женскую штучку – браслетик, фенечку для Кирияна Егоровича?

Он бы не отказался.

Только не в бассейн же кидать, итит твою Шонькину мать!

– Ты не обезьяна, рифовая акула. – Слазь с меня. – А ты верни мою лапку с колечком не для тебя.

***

Утром Шонк уехала в лимузине, даже не взглянув толком, даже не подав руки Кирьяну Егоровичу, который напрасно встал спозаранку и пару часов подряд делал вид, что почитывает в холле свежие итальянские новости. Подмигнула на ходу и всё. Постучала по запястью.

– Эфирьян, эфир, вчерашний дух, время есть?

– Да, да, время есть.

Это разве прощание? Вот такие они все турецкие звёзды, когда на американские деньги жгут!

Даже с Ксюшой С-к толком не поговорят, стесняясь русской самоотверженности.

***

Уборщик бассейна (звать его вроде Биг или Бэк) через пару месяцев под строжайшим секретом предъявит жёнке швейцарско-апельские часы с встроенным айпадом (десять земпляров в мире): вот такая счастливая находка, мол, у него!

– И никто не спрашивает, представляешь, подруга жизни моей!

– Им же цена – целое состояние.

И жена струхнула: «Может в Карабинерию сдадим, пока русские с турками не списались?»

Жаннет с весёлой фамилией

Совсем недавно Парижике, – но это уже не в тексте, а в жизни, в середине мая 20XX года, – как сообщала известная французская газета «Nuove Senowaal Comedie», – у прианкеренной к каменному берегу баржи под романтическим названием «01—46—34—53-XX» что напротив острова Сите, вроде бы поначалу плеснул кто-то хвостом и вызвал неизвестный парижанам звук.

Так громко нерестуют таймени Сибири.

Чудище, всё в тине и водорослях показалось в воде, подпрыгнуло и, зависнув на компенсаторных канатах, забурчало матерное, ревнивое в адрес двух пьяных в полсиськи, обросших сизыми бородами автобродяжек.

Матерные высказывания вразной – типа подстрочного перевода – произнесены на трёх языках, один из которых, если изъять маты, был бы чистым литературным русским, если бы не мешал лёгкий малорусский оттенок.

Другой был почитай девственным, но слегка американизированным английским сленгом, в котором самым употребительным было междометие «Е!».

Третий язык кучеряв и бестолков, и слишком длинен, пожалуй, чтобы из речи можно было извлечь хоть какой-либо осязаемый умом смысл.

На то, что это был именно тот самый, описанный ранее, двух— или трёхголовый, двуязычный и при этом однохвостый гражданин, преследующий русских путешественников от самой границы Западной Сибири, начинающийся сразу за знаменитыми Тугайскими топями, а не какой-то другой – офранцузившийся нильский крокодил, – автор романа-солянки толком не отреагировал и никому из присутствовавших очевидцев ничего не растолковал.

Бродяжки (а это, конечно же, Порфирий Сергеевич Бим с Кирьяном Егоровичем Полутуземским) отдыхают. Сегодня они – клиенты плавучего кабака и вольготно расположились на верхней палубе. Наркотики? Что Вы! У Бима и глаза и уши заполнены обыкновённым алкоголем. Надо же какой молодец с утра!

Он отнёс дивные видения с животным на счёт пивных галлюцинаций, аналогичных пережитой траве. По крайней мере так объяснял товарищу.

– Ты, дорогой наш дружбан, притормозил бы с алкоголем, – советовал ему Кирьян Егорович. – Не ровён час...

– Не «ровён», ха, явно крив он, – манерно ответил Порфирий.

У него совсем недавно появился запечатанный, мокрый сверху целлофановый пакет. В пакете бабки, которые он тут же стал бойко швырять направо и налево. А на лице расширилась и до самого вечера не сходила, накладываясь на речь, удовлетворённая, гордая улыбка миллионщика.

Был бы тут Малёха, то этот, потупившись, не произнёс бы ни слова. Но он был в в Амстердаме, отпущенный папой на вольную волю. Несчастный, задавленный ипотегами воспитания папа и не догадывался, что сыновьи карманы битком набиты евробаксами, вдесятеро превышающие скромные отцовские подачки.

***

Наличествующая в тот момент на барже милая, если не признать честно – обалденная, настоящая красotka официантка Жаннет с причёской каре и со смешной фамилией, доставшейся ей от первого мужа-студента (он иранец, потому тут могут приключиться огрехи пере-

вода), – мадемуазель, извините дословный... скорей звуковой перевод – Не... ди, насильно познакомилась с приставучим, если не сказать хлеще – с липким и сладким как старинные ленты для мух из города Ёкса, развешанные в каждой серьёзной пельменной, уважающей сангигиену, Порфирием Сергеевичем Бимом-Нетотовым.

(Ба! Расчудесная фамилия упомянутой дамы внимательному читателю, сосавшему текст без пропусков, уже встречалась. Такие редкие фамилии не забываются).

Жаннет не обошла стороной и скромного внешне, но похотливого и магнетического внутренне, не знакомого с творящимися за его спиной тайными делишками, г-на волосатиришки 1/2Туземского Кирьяна Егоровича.

***

Жаннет по неясной пока фамилии Не... ди по причине культурного кризиса не так давно была уволена из театра-кабаре «Роби-Боби». Не имея средств на достойное существование, соответственно не имела под рукой необходимого качественного фотооборудования, чтобы запечатлеть данный кратковременный, но весьма живой феномен с участием многоязычно говорящего животного.

Шокированная увиденным девушка, не откладывая в долгий ящик, обратилась с соответствующим запросом в Парижский филиал Ордена Спасения Национальной Французской Лягушки.

Там, на полном основании, по их мнению, и обидно для самой соискательницы, мадемуазельку Жаннет Не... ди подняли на смех и выставили за клубную дверь. – Вам, мадама, в другой дом надо.

– Ослы! – максимально вежливо журила отвечающего за связи с общественностью клерка бывшая актриса, трахающаяся редко, да метко. Да ещё не со всяким. Да ещё, чтобы с ласковыми выражениями и творческой выдумкой.

– Это даже не пилот НЛЮ: обычная мутация пресмыкающегося. Двухголовых ящериц, что ли, не видели, правда, Бантик? – продолжила тему Жаннет, придя на баржу следующим днём ровно в положенное время.

Наспех чмокнув молодого человека, она принялась сервировать столы. На берегу формировалась и роптала кучка ранних клиентов, не успевших или не хотевших завтракать в своих гостиницах.

На баржу не пускали. Бантик показывал клиентам часики и расположение стрелок в них, потом тыкал на собор, расположившийся левее того участка горизонта, откуда обычно вздымалось нежаркое утреннее солнце.

Хозяева старательно улыбались: «Сейчас, сейчас, господа (как же вы все надоели!)».

***

Банти старался быть рядом с подружкой, хотя, чаще всего, просто ассистировал Жаннет в её вечно парадоксальных приключениях, возникающих чаще всего на пустом месте.

– Таковы, наверняка, все актриски мира, – думал он. – Но моя-то, или не совсем моя Жаннет – особенная птичка. Все её беды идут от красоты, от тщательно завуалированной беспорочности и, прости меня ваш христианский господа, от не вполне благозвучной в русском переводе фамилии.

Черный Банти, а уменьшительно – Бантик, – второй официант в смене и одновременно бармен, надёжный, как четырежды напромиленный штурман несущегося по ночным кочкам авто. Он всегда соглашается с Жаннет.

Банти добр, что не мешает (при необходимости) включать и всю использовать хитрость. Жаннет наивно верит в презумпцию невинности каждого француза и в честность правительства. Банти наоборот: он её (презумпцию) гнобит. Жаннет считает, что только пятая часть женщин готова обнажиться для съёмки в стиле ню. Бантик считает, что все сто процентов, и даже его тёмнокожая бабушка не раз трясла тощими кошёлками на виду всего пляжа.

– Что, скажешь не так? Сама-то небось...

– Я – другое дело, – говорит Жаннет. – Сравнил. Мне и тридцати нет. – Ей 29. – И я не любовница президента.

– Любовница президента шире всех расставляет ноги, особенно когда думает, что на яхте она не одна.

– Пах тоже должен загорать. А кто ещё был на яхте? – спрашивала Жаннет.

– Как кто, а капитан, а матросы.

– Они разве не сидят в трюмах? – удивляется Жаннет.

– Ты же не любишь в трюме...

– Сидеть не люблю. – А постоять (расставив ноги в перевёрнутую «V») почему бы нет.

И Жаннет вспоминает сколько раз она не сидела в трюме и сколько раз не изображала хотелую болонку, заменяя её латинской по человечески «V». И то и другое, и третье приятно. Бантик в этом деле настоящий отличник. Он и стайер при необходимости, и марафонец. Как скажете, мадемуазель Мимижанна. Он готов поддержать её стойку всегда.

Необдуманная толком гармония проистекает из выработанного годами принципа.

Симпатичный и в плане «неизменяемости» довольно-таки порядочный Бантик слаживается с Жаннет только потому, что давно уже подбивает выравнивающие клинья под шаткий домик их эпизодических сношений.

Бантик на три года младше красавицы Жаннет – настоящей эталонной француженки со славянскими корнями зубов, знающей пару сотен стандартных русских слов и таких же общих, не напудренных особенной гениальностью предложений.

Она танцевала в «Вишнёвом саду», интегрированном в когда-то родной и близкий «Роби-Боби». Танцевала удачно. Всё дело тут в генеалогическом древе, напустившем немало азиатской и северной пыли на несколько поколений дедушек и бабушек, состоящих в запутанных родственных и пересекающихся взаимоотношениях на манер скомканной паутины.

Среди предков по женской линии водились клёвые балерины. Жаннет пошла именно в клёвых балерин.

Про эскадроны русских – то ли красавцев-гусар, то ли одних только казаков, проследовавшим ровно до Парижа вдогонку за побитым Наполеоном, даже не будем тут припоминать. Россия с Францией связаны гораздо глубже и приятнее во всех отношениях. Особенно, если сравнить вышеупомянутых гордых, честных, невороватых, любвеобильных русских казаков и бескровную, но и бесславную также сдачу Парижа германским танковым войскам во Второй Мировой со всем последующим за ним французо-немецким блѣдством.

Вскользь можно упомянуть, – больше для смеха, нежели для справедливости, – что солдаты Наполеона ввезли с собой в Россию массу фальшивых бумажных денег. Ввезѣнный дефолт их не спас. Русский император скупил у крестьян все их фальшивки за настоящие рубли. Не избавил от бесславно торопкого бегства на виду вил и кос даже специально откляченный в арьергард маршал Ней.

Казаки же и гусары, на радость французских противников империи, фальшивых денег не изготавливали, довольствуясь солдатским заработком и обходительным отношением к ним француженок.

Казаки перед боем не брились. Гусары завивали усы, сидя на лошадях.

Бим с Кирьяном Егоровичем бородами поверхностно походили на казаков, а стопроцентной обходительностью на гусар.

***

Банги-Бантик говорящих ни крокодилов, ни левиафанов, ни даже рыбадных гавиалов, которые гораздо роднее людям, поскольку взаимонесъедаете, никогда не видел. Он с удовольствием попробовал бы пообщаться с этими сознательными тварями, если бы реально довелось. Особенно, если бы плюсом приплатили.

В момент выныривания фантастического полуживотного он спускался в трюм по естественной надобности, присовокупляя к необходимости некоторые приятности. А именно интимные операции с некоею частью тела, которые так свойственны молодому и тёмнокожему, вечно неудовлетворённому поколению.

По возвращению на палубу крупные круги на воде уже ушли по течению. Они растворились, даже не достигнув подпорной стены потемневшего от скуки веков Нотр-Дама.

Собор высится надменной громадой на противоположной стороне речушки Сены. Там без удочек хаживал Хемингуэй.

Там метал блёсны и кидал блёв в волну насупленный, оглушённый колоколами богоматери Виктор Гюго.

... Жаннет находилась в тот момент на носу баржи. Даже перевесившись через перила, она видела единственно чётко только хвост неизвестного животного. Она слышала несущиеся от канатов странные завывания, похожие на человеческие голоса. Узрела миг ныряния.

Баржа от нырка заметно колыхнулась. По силе болтанки судачили о величине и весе. Феномену определили полтора центнера весу, почти попав в точку.

Несмотря на запальчивые увещевания Жаннет, слабые волнушки, тающие в удалении, пусть даже эпицентр их находился у баржи, не являлись для Банги доказательством существования феномена, так горячо и живо описываемого его бедной, с причудами и фантазиями девочкой.

Бантик едва сдерживал слёзы.

***

– Если Жаннет не будет по-настоящему моей, она окончательно рехнётся, – писал он отцу. – Хотя, чёрт знает, может опять куражится девушка.

– Избавься от неё как можно быстрее, – советовал папа, прижимая телефон к плечу, отрезая льву голову. Руки его заняты.

Он замечательный мастер-чучельник. Жизнь его прекрасна и прозрачна. С момента посвящения в мужчины его имя (Эйб) окружено легендами. Отцом Эйба, говорят, был известный актёр чёрно-белого кино. Играл чёрных героев – повстанцев и бунтарей. Актёром он стал, пройдя от начала до конца войну на Гаити. Далее увлёкся охотой и выделыванием шкур. Сейчас он пополняет материалом природоведческие музеи с Диснейлендами, забывая их натуральными с искусственным страхами. Дед, в свою очередь, в начале прошлого века возглавлял одно из наиболее сопротивляющихся подразделений беглых каторжных. Мать Бантика, Леся Фибер, белая наследница отлученного от губернаторства Йозефа П. служила моделью в швейном агентстве, поднялась, стала руководить отделом кройки и вошла в долю. Работала до тех пор, пока не завела темнокожего ухажёра в конкурирующей фирме. И дело её успешное в момент и с журнальным скандалом лопнуло. Друзья отвернулись от неё. Тогда

она вышла замуж за Эйба. Родила двойню: тёмного и светлого. Добиваться правды отцовства Эйб не стал, и так всё ясно, удовлетворившись тем, как есть.

– Моя беда и кайф в том, что я верю всем на слово, – поговаривал он.

История эта не была секретом. В жилах Бантика текла не одна кровь, а, возможно, целых три. В пику лоху-отцу Бантик стал исповедовать презумпцию женской виновности.

– Смешные они, эти бывшие актрисы, – удивлялся он. При этом нервничал, ревновал по пустякам – подумаешь трахнулась, с кем не бывает – и продолжал нежно любить Бантик.

***

Последний случай появления на Сене крупных, лупоглазых двух— или трёхголовых пресмыкающихся «нелягушек», по сообщению Ордена Спасения, был зарегистрирован местным фотокорреспондентом А.Ш. во время оккупации Парижа немецкими войсками.

Дело давнее.

В тысяча девятьсот сороковом году некие подвыпившие, высшие штабные чины из Сен-Жермена во главе с действующим фельдмаршалом танковой армии, может и фронта⁴, фон Рунштедтом после небольшого Schwelgerein⁵ решили прогуляться инкогнито по набережной под ручку с двумя француженками сиамского происхождения – бывшими сотрудницами Главной Вольеры Люксембургского зоосада. Из подъюбок выглядывал общий на двоих изящный крокодилий хвостик. Факт был подкреплён фотографиями, мелькнувшими было в цензурном отделе объединенной француско-немецкой печати. Номер в свет не вышел. Фотографа поймали, попросили честно сознаться в фальсификации. Под подписанное признание отправили на отдых в бесплатный санаторий, где и трудиться-то особо не надо было. Что-то где-то под О. вроде. Извините за пикантную подробность.

***

Русские путешественники по Европам, озабоченные внутрикутёжными проблемами, никакого криминала в случае со славяноголовым пресмыкающимся не обнаружили.

Особенно не возмущались, не ругались, не бунтовали, не подражали левым голосам.

И даже не сделали попытки подать на руководство баржи заявления. Тем вызвали немалые подозрения у прочих посетителей, знающих повадки новых русских не понаслышке. Наши русские походили на новых, но совсем на свежих, на совсем необычно новых русских.

(Мы же на правах писателей серийных заголовков сказали бы так: «чокнутые провинциальные русские»)

Немногочисленные гости замершего у причала нелепого судна, до того мирно уминавшие под пиво продукты вчерашнего ланча, ничего такого не видели, но зато что-то смутно слышали. Это был точно не обычный всплеск: с таким звуком новорусские бутылки и даже сами новорусские не входят в воду. Они слегка удивлены. Они выдвинули-было некоторые претензии. Сначала к своим весёлым подводникам, эпизодически и в соответствии с распоряжением парижской мэрии очищающим дно Сены. Потом к русским клиентам, поскольку именно на них было обращено возмущение большинства.

---

⁴ Как говаривал Чапаев: и фронтом смогу – была бы картошка и самогона плошка. – Прим. ред.

⁵ Кутёж. (нем.)

– Видно, русские сбросили в воду ящик с песком, или упустили инвентарный багор. Чего бы им шариться по отсекам и шупать всё подряд? И балдея, или случайно, или специально попали по шлѐму водолаза.

На что получили исчерпывающие объяснения русских. На пальцах, конечно же.

– На подводников нам наплевать, – пытался пояснить один из новорусских. И он на вид стар, как памятник Гюго. – Матюгнулся какой-то местный крокодил-выродок, а нам-то что? Мы его прощаем. Матюгнулся по-русски? А вам то что? Раз по-нашему вы всё равно ничего не понимаете, значит, ничей слух не оскорблѐн. Докажите, что он наш, докажите, что русский. Ваша река – ваши проблемы. В вашей реке – ваши крокодилы, в нашей реке – наши. Наша Вонь в пяти тыщах вѐрст отсюда. Ваше Сено – вот оно под нами.

Это обидно и даже неумно.

– Согласны, но лишь частично.

– Пусть ваши подводники одеваются в яркокрасное, а не в чумазое и, тем более, не в зелёное. Ибо зелёного в ваших сточных водах не видать. – Отвалите, словом. – И пейте своё паршивистое пиво.

– Гарсон! Нам ещё по литрошке! – бодро вскрикнул Порфирий после небольших и приятных воспитанному слуху перепирательств.

– А ловенброй у вас имеется? Как же так? А что у вас вкусенького и лучшего из своего, из местного как бы? – интересовался Кирьян Егорович.

– Типа винца попроси для разнобоя. Надоело их пиво, – расширял требования Бим.

– Я только «за». Во, Порфирий, – вспомнил что-то своё затаѐнное Кирьян Егорович (а как же – он же начинающий писатель): «Давай попробуем то, что папа Хэм тут пил!»

– А что папа Хэм тут пил?

– А чѐрт его знает. Ром, пиво, поди, хлестал, а скорей всего аперитивы. Давай у этого ослѐнка спросим.

Ослѐнок Бантик не знал, что пил Хэм. И вообще, похоже, не был знаком с папой Хэмом. Если бы его спросили что-нибудь попроще, например, почѐм сегодня голова тигра, то он бы позвонил кой-куда и ответил бы.

– Возьмите, господа хорошие, ламбик, – советовал ослѐнок Бантик, – это вкусно. Есть марки гез, фаро, крик, фрамбуаз. А меня зовут Банти, если что.

– Ну да? Знаем, знаем банти. Это же туземский напиток Гвинеи. Где это в меню?

Банти ткнул в стол пальцем и провѐл по списку вертикальную линию. Кирьян Егорыч нацепил очки и впери́л взгляд в колонку цифр: «Не вижу Банти. Что это такое „Банти“? Вино? Пиво? Остров?»

– Я есть Банти. – Мулатик понял недоразумение и рассмеялся точно так же, как смеются третьестепенные герои Хэма и главные у Верна.

– Бим, это слишком дорого, – повернулся к другу Кирьян Егорович, – в пять раз дороже краснухи и пива. Выдержка в годах. Нахрен нам такие технологии. Пусть в Бельгиях с такой драгоценной, их бин, выдержкой пьют.

– Нихт, сэр. Найн, зэр ист дорого⁶. Наһер! – Перевѐл на франко-немецкий Порфирий. – Кирюха, как по-ихнему «дорого»? А «наһер» – это слово они знают? Я что им сейчас сказал?

– Откуда ж мне знать – я французский не учил. Что сказал, то и вымолвил.

– Сэр, это дорого, нам и вам – облом. Что ist у вас ещё?

Облом Бим изобразил в виде фака, состроенного из безымянного, как положено, пальца, и присовокупив кривую мину лица.

Бантик на такую форму облома оскорбился. Он повернул голову в сторону и сжал кулаки, не желая продолжать болтовню в обидном жанре. Будь эти лица французиками –

---

⁶ Нет, сэр. Нет, – это дорого. (искаж. нем.)

уж получили бы оба по заслугам. Бантик с расчётами не задерживался. Кроме того, он на службе, а не в поэтическом сортире. И фамилия его не Рабле и не Граблѐ-Туфлѐ! И эти далеко не Достоевские.

Мимо, толкая скачущую по палубным доскам тележку с кружками и креветками, дефилировала его *L'Amure reguliare* Жаннет Н-и.

Девушка в тот день принарядилась в обтягивающую маечку, одела чёрную юбку с отвисшим кожаным пояском, на котором болталась служебная сумка с евровой мелочью и чековыми делами, с хвостом. Напоминало средневековые билеты на конный парижский трамвай.

Тележка остановилась. Жаннет, не отпуская наисвежайшей улыбки, втянулась в смысл беседы: «О, да-да, ес, я поняла. Эрнест пил по полкружки светлого. А если хватало, то дополнительно брал по полкружки *une demi—blonde*. Он сидел обычно вон там».

Жаннет махнула в дальнюю, заострённую бетоном сторону острова.

– Мы там сегодня были, но... – затеял-было долгий разговор Кирьян Егорович.

– Стоять! – крикнул неожиданно и невпопад Бим-Нетотов. Команда прозвучала по-армейски грозно. Причём с туркменским акцентом, когда за поясом бараний нож, а в брюхе поток ослиной водки, и хочется ещё мяса.

Публика вздрогнула, начиная от кормы. Баржа качнулась. Старшему поколению в лице самого дальнего старичка и старушки из Бельгии вспомнились покрики фашистских захватчиков. У фашистских захватчиков страшные каски! Живым ветеранам оккупации запомнилось навсегда и передалось потомкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.